

ВОЕНТОРГ
СКЛАД №1

Рафаэль Дамиров

КУРСАНТ

НАЗАД В СССР

Рафаэль Дамиров
Курсант. Назад в СССР
Серия «Курсант: Назад
с СССР», книга 1

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69868717

Аннотация

Бывалый опер слишком честен и циничен. Он не заискивал перед начальством и не продвинулся по карьерной лестнице. За десятки лет службы нажил лишь язву и хрущовку на окраине города. Жена ушла, не выдержав конкуренции с работой.

В схватке с преступником Андрей погибает, но судьба дает ему второй шанс. Сознание майора переносится в далекий 1978 год в тело обычного советского старшекласника, собирающегося поступать в мединститут.

Все дороги открыты. Жизнь можно прожить по-другому. Но Андрей снова выбирает путь офицера милиции. Он хочет пройти его заново, без ошибок и поражений. Но оказалось, что устроиться в милицию во времена застоя, не так-то просто.

И где-то рядом живет десятилетний мальчик, от чьей руки он погиб в 2023 году.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	60
Глава 6	73
Глава 7	88
Глава 8	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Рафаэль Дамиров

Курсант

Назад в СССР 1

Глава 1

Облезлый телефонный аппарат с крутящимся диском над-рывно задребезжал. Я поднял трубку, которая раньше была белая, а теперь напоминала слоновую кость с эффектом старения. Телефон стоял в моем кабинете еще со времен царя Гороха. Берег я эту реликвию, как монашка невинность, несмотря на косые взгляды коллег-оперов.

– Розыск, слушаю, Нагорный, – недовольно пробурчал я неизвестному абоненту, который так не вовремя оторвал меня от важных и никому ненужных (кроме штабистов, конечно) оперативных отчетов.

– Алло, Андрей Григорьевич! Это дежурный Ивашук, у нас труп с признаками удушения, группа собирается выезжать. Спускайтесь, пожалуйста.

– Что за труп? – я еле сдержался, чтобы не плюнуть от досады прямо в трубку: вечер пятницы обещал быть долгим и насыщенным.

Если по горячим не раскроем, то рабочие дни плавно пе-

ретекут на выходные. Но я уже привык. За тридцать лет в органах кожа стала, как у носорога, а рабочий горб вырос как у верблюда.

Темнухой меня не напугать, а работой и подавно. Просто планы были на сегодня. Следачка у нас новенькая объявилась. Только что после института МВД. Хорошенькая, как Гурченко в молодости. Глазками стреляет круче, чем молодежь из пистолета. В десяточку сразу.

Договорились с ней сегодня кофе выпить. Как на самого молодого сотрудника нашего управления, на «Гурченко» свалили интересное, но крайне безнадежное дело о хищении наркоты из камеры хранения муниципальной аптеки. Я это дело когда-то курировал по оперчасти. В курсе немного. Вот ей и посоветовали с матёрым опером всё обсудить. В кабинете я обсуждать рабочие дела с хорошенькими девушками не люблю. Договорились в кафешке встретиться. Она очень даже была не против неформальной обстановки. А я тем более: всё работа, да работа... Скоро забуду, для чего мужчине хвост нужен.

Но бессовестный Иващук повесил на отдел глухаря. Вечно в его смену всякие убийства и прочие изнасилования случаются... Притягивает он к себе преступления, как портовая путана изголодавшихся моряков. Про таких дежурных мы говорим, что грешен. Уже бы давно в церковь сходил, да свечку поставил. Ну или на пенсию бы свалил, дачей и курицами занялся.

– Я на своей поеду, – ответил я дежурному. – Говори адрес и обстоятельства.

– Парк на Набережной, – ответила трубка, – труп девушки предположительно двадцать пять-тридцать лет. Личность не установлена, очевидцев нет. Время смерти еще не знаем. За судмедэкспертом только машину отправили.

– Ясно, – я грохнул трубку о корпус телефона, в надежде, что он рассыплется.

Вдруг неожиданно захотелось его поменять. И не только его. В жизни что-то. Но чтобы построить что-то новое, надо разрушить старое. А телефон оказался крепким... Не судьба...

Я подошел к массивному серому сейфу довоенной эпохи, больше напоминавшему поставленный вертикально гроб для толстого карлика. Воткнул в скважину ключ с разлапистыми бородками (замков таких уж не сыщешь и единственный ключ я берег) и попытался открыть. Но сейф-старик вредничал. На погоду, наверное, сегодня стояла не по сезону жаркая майская благодать. Нормальные люди к отпуску готовятся, а я с сейфом воюю. В воспитательных целях пнул его даже и пожурил:

– Что же ты, паскуда кособокая, пистолет мой не отдаешь. А мне на происшествие ехать срочно надо. Снова душегуб проявил себя. Уже третья жертва за полгода.

Сейф пристыдился своего поведения (а может пинок в «живот» его напугал) и раскрыл скрипучую створку. Я засу-

нул руку в черноту пасти и извлек потёртую кобуру оперативки с вороненым пистолетом внутри.

– Привет, Макарыч, – я отстегнул магазин, щелкнул флажком предохранителя, передёрнул затвор и проверил наличие патронов.

Все норм. Можно на войну даже. Хотя для войны бы я ТТ-шник выбрал.

– Вы с кем там разговариваете, Андрей Григорьевич? – в открытую дверь кабинета просочился скудоусый паренёк в подстреленных и зауженных, как у танцора штанишках и в тенниске в обтяжку. Если бы не его серьёзный вид и пытливые глаза, можно было бы подумать, что он не из наших, а из тех, кто на парады в Европе ходит с цветастым флагом. Но молодежь сейчас вся так одевается.

Я хотел было по-стариковски ругнуться, мол, в нашу бытность, но вовремя себя осёк. Не стар я еще, полтинник только разменял (хотя, по-оперским меркам – это старше дерьма мамонта). Но душой я молод, как Пугачёва, когда в пятый раз замуж выходила. И Моргенштерна могу послушать и даже не пристрелить его после этого. Наверное...

– Да ни с кем, Боря, – отмахнулся я. – Пистолет я так свой называю.

– Жениться вам надо, Андрей Григорьевич, – по-отечески покачал головой молодой напарник. – Уже с сейфом и пистолетом разговариваете...

Мы вышли в коридор управления и направились к выходу.

– Да какие мои годы, Боря? Вот поймаем душителя и сразу в ЗАГС. Ах да, невесту надо еще найти. Да только ладную и складную, а то перед женой бывшей неудобно будет. Она у меня еще та стерва.

– Что по трупу говорят? Опять душитель? – вздохнул опер, поправляя поясную кобуру. – Главк с нас головы снимет.

– Нет, Боря, головы наши им ни к чему, они задницами воспользуются. Время сейчас такое. Все через одно место решается. И любовь и наказание. Тьфу, блин! Эх... было же раньше времечко... Ни наркоманов, ни Моисеевых. А теперь каждый второй штанишки в обтяг носит.

Я покосился на напарника. Тот заметил мой взгляд.

– Да они сели просто, а жена на утро других не погладила, – поспешил меня успокоить парень.

– Фу-ух, – я театрально схватился за сердце, – пронесло, думал не уберег бойца. Провалился он в голубую яму.

– Нагорный! – окрикнул меня в коридоре пухлобокий крепыш на коротких гномьих ножках. Мешковатый пиджак и непомерно широкий галстук смотрелись на нем, как седло на гончей корове. – Ты ещё здесь? Кто у тебя сегодня дежурит?

– У меня сегодня дежурит я, – улыбнулся я толстяку.

– Мухой давай на происшествие, там комитетские подъехали, а оперов до сих пор нет. Какого хрена, Нагорный, ты так долго собираешься? – начальник уставился на меня въед-

ливыми глазками, словно готовящаяся к броску жирная кобра (интересно, почему не бывает толстых змей?).

– Петя, – продолжал я улыбаться. – Все норм будет, мы с товарищем лейтенантом (кивнул я на напарника) через десять минут там будем. Еще дежурку обгоним.

– Какой я тебе Петя? – прошипел толстяк и, сверкая глазами, стал полировать мокрую лысину измятым платком.

Жара такая, а он в пиджаке. Ну начальник, положено ему...

Мы подошли к КПП и приложили пластиковые штуковины к окошку считывателя. Датчик турникета, признав своих, приветственно пикнул и разблокировал хромированную трубу. Расплывшийся жирной тушкой по продавленному креслу постовой, проводил нас сонным взглядом кастрированного кота, еле заставив себя оторваться от экрана смартфона.

Эх... Нормальный же парень был год назад, пока в ментовку не пришел. Стройный, улыбчивый. А щас с такой мордой только в регистратуре работать. Ну или в другом каком-нибудь ЖЭКе.

– Зачем вы так с Петром Сергеевичем? – спросил Борис. – Вот поэтому вы до сих пор не начальник, а всего лишь старший опер. Не молодой ведь вы уже, а бегаєте за преступниками, как охотничий пес.

– Это для тебя он Петр Сергеевич, а для меня Петька-балбес. Сколько я ни учил его оперативной работе, толку ноль.

Он потом в штаб перевёлся и по бумажной линии в гору пошел. Писульки строгал со скоростью отбойного молотка. Такие в системе нужны.

– И теперь он ваш начальник, – поморщился Борис.

– А ты что не рад, что я опер и твой наставник?

– Рад, конечно, – лейтенант зажевал нижнюю губу, словно хотел ее медленно съесть. – Но мне кажется, что вы, Андрей Григорьевич, достойны большего. С вашей хваткой вы бы могли...

– Кабы у бабушки были яйца, то она была бы дедушкой, – прервал я сетования подопечного. – Боря, ты пойми. Каждый должен заниматься своим делом. Кто-то бумажки писать, а кто-то преступления раскрывать. Не уйду я с «земли» в кабинет с портфелем. Не мое это, дрочить на приказы, распоряжения, решения коллегий и прочую крайне нужную и важную мудоту. Я лучше пойду лишнюю краженку раскрою. Ну или заведу себе нового информатора на перспективу, а лучше двух.

– Ясно, – кивнул летёха и, усевшись за руль служебной Приоры, врубил свой любимый Роллинг стоунз.

Я развалился на заднем сиденье и ушел с головой в бзыкающий телефон. Писала бывшая, опять трясла деньги на срочные покупки для нашей дочери. Песня старая: алиментов ей не хватает, а я скотина такая на бюджетной зарплате всю жизнь просидел и на работе пропадал. А она на меня всю молодость угробила, и Ваське рыжему отказала, а он сейчас

перец модный: два магазина и ларек на рынке держит. Раз в год семью в Турцию вывозит, а по выходным в боулинг берёт. Что же она, дура-то со мной связалась. Ну в одном я с ней согласен. Что дура.

Бывшая супружница приправила сообщения фотками доченьки. Знает, как меня зацепить. Я полистал экран, зашел в приложение банка и скинул почти последнее. Мне не жалко. Если знать, что для дочери...

Приора вырулила на набережную. Раскидистые тополя уже начали посыпать улицу пухом. Рабочий день подходил к концу, и люди спешили затариться пивом, закуской и презервативами. Возле новой шаурмячной даже образовалась небольшая очередь за роллами. Сейчас их все катали. Скоро бабушки на остановках, что семечки продают, тоже роллами торговать будут. А нет... Нет сейчас тех бабулек. Супермаркеты их вытеснили. Теперь кулёк семок можно на каждом углу купить. С солью простой, морской и высушенной из слёз розового единорога. Всё есть, только бабосики отстёгивай.

Тормоза скрипнули, и я чуть не припечатался лбом в спинку переднего сиденья:

– Боря! Кто тебя парковаться учил?

– Извините, Андрей Григорьевич, засмотрелся.

Я перевел взгляд в окно. По набережной, виляя ягодицами, плыла длинноногая барби с губами утконоса.

– Ну ничего так, – одобрительно кивнул я. – Особенно если губы накрыть чем-нибудь. Скотчем там...

– Да я не на девку засмотрелся, – налился краской малец. – Там народу собралось сколько. Видите?

– Пошли скорее, – я распахнул дверь. – Проверяющие с главка набежали. Вперед нас приехали. Нехорошо это.

– Попадёт нам? – обеспокоенно спросил Борис.

– Да не-е, – следы затопчут.

* * *

Я приподнял полосатую оградительную ленту, которую подпирала толпа, и нырнул под неё. Борис юркнул за мной. Мы приблизились к зарослям ивы, в которых роилась разнокалиберная толпа. Пара мужчин в солидных костюмах (прокурорские), еще двое в жилетках со свето-отражающей надписью «Следственный комитет» (а то так не видно, что следаки, надо же жилетки надеть), проверяющие, ответственные от руководства и другие важные писи из Главного краевого управления.

Я раздвинул их плотные ряды своими широкими плечами и очутился в центре места происшествия. На примятой траве под раскидистой ивой лежала девушка с пунцовым лицом. Шея неестественно вывернута, глаза открыты. Короткое платье чуть прикрывает бедра. На шее багровая полоса. На талии красная лента, похожая на поясок. Губы небрежно покрашены ярко-красной помадой.

– Что скажешь, Никитич? – обратился я к седовласому

мужичку в старомодном пиджаке и огромных очках, напоминающих глаза всезнающей совы.

Судмедэксперт перестал ощупывать труп. Поправил латексные, не по размеру большие перчатки и обернулся:

– А-а-а, Григорич. Да все то же. Смерть от асфиксии. Видимых следов полового насилия нет. Кости целы. Ушибы и царапины, что на теле есть – в ходе борьбы образовались. Странгуляционная борозда на шее скорее всего вот этим поясом оставлена, что на убитой. Время смерти – несколько часов. С ночи здесь лежит. Заросли густые и тело только сейчас влюбленная парочка обнаружила. Хотели в кустиках уединиться, а тут уже занято.

– Как всегда, – выдохнул Борис. – Красный пояс на каждой убитой девушке. Он же орудие преступления.

– Да Боря, – кивнул я. – Маньяк у нас объявился. Душит красной лентой, которую потом на поясе жертвы оставляет.

Я повернулся к ботанического вида парнишке в нелепых очках и узких джинсах с лейблом «Коллинз». Парняга усердно елозил флюковым зондом (палочка, похожая на ватную) по запястьям трупа.

– Коля, – окликнул я криминалиста. – Ты что там ищешь?

– ДНК преступника, Андрей Григорьевич, может остаться на теле жертвы в местах их плотного контакта.

– Так ты не там, Коля, мажешь.

– Нет, Андрей Григорьевич. Полового контакта не было, а за запястья, преступник ее хватал, однозначно. И рот рукой

закрывал. Потому что никто ничего не слышал.

– Ну давай, Коля, на тебя надежда. Ты эту ДНК по базе геномной регистрации пробей. Там уже много жуликов числится. Особенно убийцы и другие извращенцы. Их сейчас на зоне поголовно типируют.

– Да знаю, я Андрей Григорьевич, сделаю все как надо. Завтра к вечеру будет результат.

– Нет, Коля. Сегодня надо.

– Ну... Если начальник прикажет, то я постараюсь. Но анализ ДНК – процесс не быстрый. Вообще он месяц делается.

Вот поколение пошло. Не хочет работать за идею. Всё только через пинок, окрик начальства или левую денежку.

– Я тебя, Коля, попрошу сегодня провести анализ.

– Это долго, – замотал перегруженной академическими знаниями головёнкой на тонкой шее эксперт.

– Ты мне не рассказывай. Я в вашем отделе два года проторчал, когда меня из оперов турнули и спрятали в экспертах. Ты еще в то время в школе тройки получал и курил втихаря в туалете. Знаю я вашу эту амплификацию-шмалификацию. Когда надо – вы за день сделаете. Тем более один объект. Ты уж постарайся, с меня пиво.

– Хорошо, – поджал губы эксперт, он совсем забыл про моё недолгое криминалистическое прошлое, когда я трудился экспертом, прячась от прокурорского гнева (сынка зама прокурора принял с наркотой и отпустить не захотел).

Сынка в итоге оправдали, дело развалилось. Нашёлся человек, который на себя всё взял. А я приобрёл бесценный опыт работы в самой интеллигентной и научно-подкованной службе полиции. Нравилось мне там в следах и окурках копошиться. Вот только адреналина не хватало. И начальство не по-ментовски спокойное, аж бесит. Не матерится и не увольняет каждую планерку.

– Ты еще, Коля, поясок на анализ возьми, – дал я указание криминалисту. – Эту вязочку душегуб с собой припёр. Не в первый раз уже трупы с такой меткой находим. И помада у всех жертв на губах красная. Но намазюкана, будто уже посмертно убийца им макияж делал. И ленточки все красные почему-то. Два раза это совпадение, а три – система.

* * *

Я плюхнулся в скрипучий продавленный диван и ткнул облезлым пультом в потускневшую плазму. Наконец я дома. Пахло недельным мусором (завтра, бляха, точно вынесу, Макарычем клянусь) и магазинными пельменями. Поужинал я на славу: тридцать штук с бульончиком, перчиком и кетчунезом. Целый день, как гончий хомяк в колесе, зато вечером оторвался. Ударил по поджелудочной покупными полуфабрикатами.

На первом канале в кадр выпрыгнула девица. Она усердно втягивала и без того плоский живот, выпячивая при этом

силиконовые вложения. Вертела бедрами, утянутыми в мини, когда показывала направление движения циклона из Новосибира в Хакасию. Передачи с прогнозом погоды потихоньку превращались в стрип-шоу. Пузатенькие мужчинки в роговых очках канули в лету. С ними я хоть мог реально уловить завтрашнюю температуру, причем сразу в нескольких регионах страны. А с этой, я так и не понял, завтра дождь будет или опять соврет.

Я вытащил из холодильника бутылку ячменного. На запотевшем коричневом стекле этикетка зазывала элитной рецептурой, разработанной аж от десятого колена времен сотворения яйца из курицы в старых добрых традициях пивоварен индейцев майя. Я почитал состав и поморщился. Раньше пиво одно было – «Жигулёвское». А теперь много говна развелось. Я свернул пробку и сделал несколько глотков. Для пастеризата ничего так.

Телевизор внезапно громко заиграл. Началась реклама самых нужных вещей на свете. Светящаяся и скачущая от счастья Бузова мелькала в белом, выставляя напоказ белые выпуклости. Я потянулся за пультом, когда зазвонил мобильник. Драматичный саундтрек из «Профессионала» возвестил, что меня домогается работа. Такой звонок стоял на все контакты с Управления.

Я со вздохом сожаления отставил бутылку на обшарпанный журнальный столик (который в прошлой жизни был детским с росписью под хохлому с петушками) и нажал на кноп-

ку приема. Да, да, кнопку. Не люблю смартфоны (хотя служебный у меня смартфон). Через них за мной америкосы следят. И бывшая с ними... Не зря она от Хемингуэя прется и «Титаник» пересматривает. А еще она знает кто президент США. Я после Моники Левински сбился.

– Алло, Андрей Григорьевич? – вопросительно проговорила трубка.

– Нет, бляха, это его соседка, а Андрюша в ванной пипирку моет, – проговорил с раздражением. – Че надо?

– Андрей Григорьевич, ну я ж не просто так звоню, – обиделась трубка. – Это Коля-криминалист. Я тут ДНК по базе пробил.

– Ну? – сердце мое замерло.

– Вы не поверите!..

Глава 2

– Говори, Коля, не томи!

– На красном пояске, что был на жертве, обнаружены следы ДНК лица мужского генетического пола.

– Ну, и...?! – мне вдруг дико захотелось придушить эксперта прямо через трубку. – По базе пробил?

– В том-то и проблема, – замялся Николай.

– Говори уже! – я чуть не добавил слово «сука очкастая», но пока сдержался.

– Наверное, это какая-то ошибка, – добивал меня Коленка. – Этого не может быть. Я, конечно, все перепроверю, но на это нужно еще время. Не исключено, что объект исследования был загрязнен чужеродной ДНК, поэтому проверка по базе выдала ложное совпадение...

– С кем совпадение? – сердце мое неприятно екнуло.

Коля стал говорить сбивчиво и постоянно ссылаясь, что скорее всего это ошибка. По мере его рассказа я мрачнел.

– Адрес запишете? – спросил Коля.

– Знаю, где он живёт, – буркнул я. – А ты домой не ходи, прямо сейчас займись и переделай всё. Такого человека опорочил...

– Да я-то что? И такое иногда бывает, когда на месте преступления посторонние лица присутствуют. Они могут оставлять следы. Но его же вроде там не было. Он уже пол-

года, как не удел...

– Разберёмся, – ответил я. – Держи меня в курсе.

– Вы что задумали, Андрей Григорьевич? Давайте подождём до утра, я постараюсь заново провести исследование.

– Из-за твоих исследований я теперь хер усну. Всё, давай... Мне ещё кое-что проверить надо.

Я отключился от разговора, оделся и вышел на улицу. Старенькая приземистая тойота ждала меня на дворовой парковке под деревом. Она удивлённо посмотрела на меня пожелтевшими фарами, мол, куда это хозяин на ночь глядя? Обычно на ночные вылазки за мной приезжала служебка, и моя старушка мирно дремала во дворе.

* * *

Вот и знакомый двор. Сейчас он был особенно пуст: ни алкашей на их излюбленной лавке, ни дерущихся котов, ни всевидящих бабулек с ядовитыми взглядами. Всё казалось мёртвым, даже из окон света не видно. Лишь одно окно мерцало желтизной. Он ещё не спит. Странно...

Я отпер подъездную дверь универсальным ключом для домофонов и очутился в полумраке занюханного подъезда. Единственная целая лампочка болталась где-то на верхних этажах на заскорузлом проводе. Воняло мокрыми тряпками, дымом дешёвых сигарет и крысиным хвостом.

Я поднялся на четвёртый этаж (лифт в пятиэтажной па-

нельке времен Хрущева не предусмотрен) и очутился возле потёртой двери, небрежно сляпанной лет двадцать назад из листового железа.

Я знал, что звонок не работает, и тихо постучал. Звук разнёсся по пустому подъезду слишком гулко. Ночь усиливает громкость. Заскрежетал замок, дверь приоткрылась.

– Привет, – сказал я и шагнул внутрь квартиры. – Что не спишь?

– Не могу уснуть, кое-что не даёт покоя, – ответил хозяин квартиры. – У меня всегда так... старые раны бередят, так сказать, и душу, и тело... А ты какими судьбами?

От этих слов у меня пробежал по спине холодок.

– Да, тут мокруха одна неподалеку приключилась, чёт вымотался, дай думаю тебя проведу «старого», – я хлопнул Олега дружески по плечу.

Хозяин квартиры от хлопка вздрогнул. Его глаза, до этого постоянно блуждающие и цепляющиеся за всё, что угодно, кроме собеседника, теперь встретились с моими. В них не было усталости невыспавшегося человека, это был цепкий взгляд старого волка, в котором сквозило чувство тоски и настороженности. Простояв так несколько секунд, я прервал молчание:

– Поговорим?

– Можно, – кивнул Олег, – Пошли уже на кухню, вижу же, что не просто так заскочил на огонёк.

Пройдя на маленькую кухоньку со старыми истлевшими

обоями, он открыл холодильник и, достав запотевшую бутылку водки и две рюмки, уточнил. – Будешь?

Я кивнул и сел на свободную от пакетов и прочегохлама табуретку, продолжая пристально смотреть на собеседника, будто пытался заглянуть в его душу. Гадкое чувство, что эксперт не ошибся, с каждой секундой только усиливалось и крепло, но мой мозг не только отказывался в это верить, но и вообще, хоть как-то воспринимать. Это же друг, с которым мы вместе попадали в такие передрыги, только на него я всегда мог положиться, зная, что спина прикрыта.... Нее, бред какой-то, ну сейчас всё и решим.

Олег достал дешёвую колбасу и банку соленых огурцов. Порезал незатейливую закуску и оставил ее на истерзанной разделочной доске, пододвинув на середину стола. Поднял рюмку. Мы молча чокнулись и выпили. Олег зажевал огурец. Хруст разнёсся на всю кухню. Мы снова встретились глазами, но только я смотрел уже не как на друга, а как на объект, который сейчас буду препарировать и изучать.

– Рассказывай, Олег, – сглотнув, поговорил я, слова давались мне с трудом. – Понял же уже, зачем я приехал...

Я потянулся за отрезанным ломтем колбасы, всё еще надеясь на чудо.

– Кто ещё знает? – спокойно спросил он.

– Пока только я и эксперт, сам понимаешь, время позднее уже, но утром картина поменяется.

– Да-а... – вздохнул Олег и вытер ладонью проступившие

капельки пота на висках. – Старый я уже стал, совсем хватку потерял, забыл об осторожности.

Я смотрел на него цепким взглядом, ни на долю секунды не отводя глаза, а в голове лихорадочно носились мысли: «Ты чего несешь старый осёл?!.. Твою мать! Да ну, нахер!»

Олег молча встал, открыл окно и, прикурив сигарету, протянул мне пачку. В такие моменты главное не передавить. Я подошел к окну, и, достав предложенную сигарету, чиркнул зажигалкой.

– Андрей, – наконец произнес он на выдохе, жадно скурив уже половину сигареты. – Я перегорел. Ты знаешь, что я не сумасшедший, система кого хочешь ломает. Я не виноват.

В этот момент я окончательно осознал, что походу все, как говорится «приплыли тапочки к дивану».

– Олег, – выдавил я, в горле стоял ком. – Ты мой друг... И... Мне горько осознавать это всё. Спрошу прямо... Ты будешь общаться со следаком для «особого» или в Казаки – Разбойники играть пустишься? Ты хоть объясни мне, какая вша тебе под хвост залезла?! Твою мать, нахрена?! Я к тебе приехал сейчас как друг, а не как опер.

– Нахрена убил ту девушку, ты имеешь ввиду, или что именно Нахрена?

– Ой ли? – я ухмыльнулся, но получилось это как – то неубедительно через грусть. – Ты, наверное, хотел сказать девушек? Это в тебе тот псих проснулся, которого выперли из органов. И теперь ты пытаешься привлечь к себе внима-

ние. Но зачем?

– Значит, всех трёх пристегнул... – хмыкнул Олег.

Вот и всё... здравствуйте, как говорится, «Я Ваша тётя»...
Моя призрачная надежда улетела вместе с выпущенным дымом тлевшей сигареты.

– Так ты, друг, наследил изрядно, трудно отмазаться от результатов ДНК, – я стоял и ждал ответа, раздавленный и охреневший.

Олег! Мой друг – серийный убийца, на счету которого минимум три эпизода. Глаза застилал туман и едкий дым от сигарет. Сейчас докурю и начнём. Ночь длинная и ни разу не радостная. Нужно, наверное, еще по рюмашке.

– Понимаешь, – прервал молчание Олег, – на «красную» не очень-то охота. – Наверное я всё-таки буду играть в «Казков-разбойников», жаль, что так всё получилось и приехал именно ты...

– Чего?.. – я начал поворачиваться на сместившийся вниз голос и только успел почувствовать, как меня грубо схватили за ноги и резким толчком отправили в распахнутое окно.

Я даже не успел схватиться за оконную раму с окурком в руке. В голове мелькнула последняя мысль: «Ох ты Бл*ть!.. Ну, и г**дон». Меня убил собственный друг!

* * *

– Он живой? Что с ним? – будто сквозь сон слышал я го-

лоса.

Попробовал разлепить веки, но ничего не получилось.

– Скорее, вызовите скорую! – надрывно звучал раскати-
стый женский голос. – Кто-нибудь, вызовите скорую!

Каждый её вопль отдавал в голове ударом молота. Да что ж ты так орешь? Возьми мобильник и сама набери 103, делов-то. И всё-таки я живой... Но я боялся пошевелиться. Боялся, что не смогу даже согнуть палец.

После падения с такой высоты, наверняка вместо костей и суставов – месиво. Позвоночник по-любому переломан. Но я ещё мыслю... Меня подлечат, и я приду за Олегом, пусть даже на каталке. Я сам возьму своего бывшего друга. Он убил этих женщин и меня. Надеюсь, красный поясок не повязал...

Я, наконец, собрался с силами и открыл глаза. Надо мной склонилась полная холёная тетка с «праздничной» ракушкой на голове.

– Петров! – воскликнула она, тормоша мое лицо пухлыми руками. – Ты как? Сможешь встать?

– Да сможет, что этому дистрофику будет? – насмешливо проговорил голос подростка.

– А ты, Быков! – тётка гневно бросила на него взгляд. – Если узнаю, что причастен к этому, – пойдешь во взрослую жизнь с такой характеристикой, что тебя даже на слесаря не возьмут учиться.

– Да я-то, что? Марь Андревна? – оправдывался всё тот же голос. – Он сам с лестницы грохнулся. Я наоборот, пытался

поймать его...

– Что-то слабо верится, Быков. Знаю я, как ты Петрова достаешь. И сегодня, даже в такой день. Это же ваш последний вечер в школе. Выпускной. Он на всю жизнь запомнится.

– Ну ему-то точно запомнится, – скривился в гаденькой улыбке парень в кремленовом костюме цвета мышинных ушей.

Я с удивлением разглядывал его. Где ж ты откопал такую одежду? У дедушки в чулане? Хотя костюмчик сохранился хорошо для чулана. Непомерно толстая шея парня еле умещалась в воротнике белой рубашки. Цветастый галстук смотрелся на его шее тонкой веревочкой. Здоровый старшеклассник. Только какого хрена я здесь делаю?

Я встал при помощи Марь Андревны. Директриса оказалась раза в три шире меня. Голова кружилась, а ноги подкашивались. Стоп! Откуда я знаю, что это директриса? И почему я такой худой? Будто из Освенцима только сбежал. И где двор, в который меня выбросил из окна Олег? А я вообще кто?

Я огляделся. Крашенная бетонная лестница. Стены казённого здания зеленого цвета немного облупились. Побеленный потолок с серыми разводами и выпуклостями штукатурка. Всё такое совдеповское и простое, как мой родной РОВД лет двадцать назад. Пол и перила выкрашены в один цвет. Пюрешно-коричневый.

– Ты как, Петров? – директриса участливо заглянула мне в

глаза, чуть подперев мое тельце огромной грудью, утянутой в белую кружевную блузку. Пахло от неё приторными духами с гвоздикой. Сейчас такие явно не делают.

А-а-а... Всё ясно! Я сплю... Ну или в коме. Лежу в реанимации и под действием препаратов смотрю киношные глюки. Но какой правдоподобный сон. Аж самому интересно.

Я опустил глаза вниз и осмотрел себя. Серый мешковатый костюм не первой свежести явно с чужого плеча. Белая хэбэшная рубашка и странный галстук из скользкой на ощупь ткани в незатейливый ромбик.

Затылок горел огнем, в моем сне я упал с лестницы и приложился им о бетон. Я пощупал голову. Шишка знатная будет.

– Всё нормально, Марь Андревна, – выпалил вдруг неожиданно я и охренел от своего молодого и незнакомого голоса. – Не надо скорую, я себя чувствую отлично.

Собравшиеся вокруг старшеклассники, наряженные в костюмы с широкими брючинами и нелепыми галстуками, потеряли интерес к происходящему и стали расходиться.

– Ты уверен, Петров? Может домой пойдёшь? – директриса заботливо потрогала мой лоб. – Взгляд у тебя какой-то странный. Словно пустой. Будто не ты это.

– Да нормально всё со мной, – уже с раздражением поморщился я. – Подумаешь, упал.

– Ладно, – кивнула женщина. – Если что, я в столовой. И не подходи сегодня к Быкову. Я, конечно, понимаю, что ты

не скажешь правду, но уверена, что это он тебя с лестницы толкнул. Опять Косичкину поделить не можете?

– Какую Косичкину? – пытался соображать я.

Но директриса вздохнула и пошла по длинному коридору в сторону зала, где гремела музыка. Там, наверное, была школьная столовка – место, где праздновали все выпускные когда-то. Но когда это было? Сейчас без ресторана, салюта, фаер-шоу и прочих кавер-групп ни один выпускной не обходится. Это раньше в столовках, да спортзалах отплясывали под бобины с Антоновым. Однако, далеко меня закинуло. Такие сны мне еще не снились. Ну максимум девяностые снились, тогда время было поярче и в память много чего врезалось. А детство, которое прошло в семидесятые, вспоминалось, как в тумане. Давно это было.

А ещё этот голос и тело задохлика. Тембр мой вроде ничего, но подростковые нотки ещё проскальзывают. Не заматерели связки. Вот бяха! Почему в своем сне я подросток? Не мог в Халка превратиться, или в другого могучего чебурашку из Марвела. Ну или в мужика взрослого, на худой конец... Что мне в школе делать? Я ж не педофил какой...

Но сожаление моё тут же улетучилось. Мимо пропорхнула стайка выпускниц в разнокалиберных длинных платьях со старомодными оборками и кружевами. Их стройность и наливные формы не смогла скрыть даже несуразная одежда. Под балахонами угадывалась девичья стать. Я провожал их задумчивым взглядом. Они спешили по коридору туда, от-

куда громыхала странная музыка.

Нет, песня, конечно, классная, но сейчас такое никто не слушает. Самоцветы тянули свой хит семидесятых: «Не повторяется такое никогда». Ретро-сон какой-то... А что? Мне нравится. Не Макдональдсом единым... Похоже на то время, когда все Советское было, и даже еда и музыка.

– Повезло, тебе Петров, – лыбился на меня бык (черт, откуда я знаю его погоняло? Хотя сон же мой, как хочу, так и придумываю). – Живучий ты. Только смотри... К Катьке на пушечный выстрел не подходи. А то в следующий раз лестницу повыше найду.

Глаза Быкова на квадратном, словно вырубленном из камня лице, сузились. Не сказать, что в новом теле я был маленький, где-то роста среднего или даже чуть выше, но по сравнению с быком я смотрелся ребенком. Широкий скуластый мордорот никак не выглядел на возраст выпускника школы. Раньше быстрее взрослели что ли? Или второгодник? Хотя таких до десятого класса не держат. А я точно знал, что закончил десятый.

Катька, Катька... Что за Катька? Мысли роились в голове, как мухи на свежей нетонущей субстанции: беспорядочно и не продуктивно. В мозгу всплыл неясный образ одноклассницы. Улыбчивое лицо, смуглая кожа и небесного цвета глаза. Красивая, даже без косметики и прочего ботокса.

Чуть пошатываясь, я направился туда, где орал из динамиков Антонов старую песню, которая почему-то не смотре-

лась здесь чуждо. Никто не удивлялся, почему воет не Крид или другой Билан. Судя по всему, молодой Антонов заходил всем на ура.

Я поднялся по затертым до полированного блеска бетонным ступенькам и очутился в школьной столовой. Пахло пирожками и компотом. Но сейчас это была не столовая, а школьный ночной клуб. Стулья и столы сдвинуты в сторону и составлены друг на друга, вытарачившись вверх рогами ножек. На крашеных стенах надувные шары и плакаты, нарисованные подвыцветшей гуашью. Над огромной импровизированной сценой (сколоченной из досок и обтянутой черной тканью) висит длиннющий плакат: «Выпускники 1978 года, в добрый путь!»

Чего? Блин! Я перенёсся во сне в семидесятые? Так вот почему я одет, как жених на деревенской свадьбе. Так вот почему музыка такая нормальная играет.

Нарядные выпускники зажигали и веселились под музыку. На их трезвых лицах светилось безудержное веселье. Я вот так скакать без пива и текилы не умею. Мне сначала разогреться нужно.

Девушки в широких платьях. У кого-то гнездо на голове, у других замысловатая корзинка с ленточками. Простых косичек я не увидел. Каждая заморочилась и создала шедевр, на который я не мог смотреть без улыбки. Парни все в мешковатых костюмах, цвета детдомовской жизни и в отцовских галстуках в разный горошек и другие ромбики.

Музыка стихла. Выпускники недовольно загудели.

– Минуту, пожалуйста! – из-за шторы на сцене высунулся местный ди-джей. – Мне надо бобину переставить!

Из всех присутствующих он выглядел самым модным. Цветастая рубаша в индийский огурец, и никак не сочетающиеся с ней джинсы.

Пара девиц нырнули к нему за шторку и о чем-то его просили. Ага. Песенку заказывают. Через некоторое время из вевгавских динамиков, расставленных по углам, полились мелодичные слова: «Там, где клён шумит над речной волной...»

Парни поспешили расхватать самых статных девушек. Парочки закружились в медляке, который был смесью вальса и обычного перешагивания вокруг оси на пионерском расстоянии друг от друга.

Я стоял и хлопал глазами, с интересом разглядывая обстановку. В зале учителей почти не было. Они, наверное, уединились где-нибудь в учительской и праздновали по-взрослому, оставив для порядка в столовке пузатого мужика в синей олимпийке и свистком на шее. Но судя по его красному носу и осоловелым глазкам, физруку уже и так было хорошо. Он стоял у прохода и наблюдал за танцующими девушками, то и дело смахивая с лысинки выступающие капли мятым клетчатый платком.

– А ты почему меня не приглашаешь? – передо мной неожиданно выросла миловидная смуглолицая девушка в

белом, как у невесты платье.

– Катя? – с интересом уставился на нее я.

– Ну а кто же ещё? – хохотнула она, и схватив меня за руку, потащила в гущу зала.

Я приобнял её немного сильнее, чем по-пионерски. Она уткнулась в меня упругой грудью, чуть залилась краской и немного отодвинулась, чтобы не смущать народ и себя. «Как легко краснеют девушки» – подумал я. – «Будто в старом кино».

Мы медленно кружились под напевы «Синей птицы». От ее накрученных бигудями волос пахло сиренью. Я с наслаждением вдыхал аромат и готов был вот так кружиться целую вечность. Но песня кончилась. Катя нехотя от меня отцепилась, и глядя в глаза, проговорила:

– Рассвет встречать пойдешь? Уже скоро.

– Конечно, пойду, – не задумываясь ответил я. – Я на свой выпускной тоже ходил. Эта старая традиция.

– На какой свой? – вскинула черную бровь на меня Косичкина.

– Ну в жизни своей. Это же сейчас сон. Во сне я еще не ходил.

– Ты что, Андрюша? – девушка наморщила маленький носик и потрогала мой лоб. – Говорят, ты сегодня с лестницы упал?

Кто-то толкнул меня в спину плечом. Как бы нечаянно, но ощутимо. Я чуть подался вперед, но устоял. Я обернулся.

Мимо протискивался Быков.

– Бык! – гневно крикнула Катя. – Смотри, куда прешь!

Громила не обращал на неё никакого внимания, он уставился на меня, сузив глубоко посаженные глазки, и большим пальцем провёл по своему горлу.

Глава 3

– Пойдем, Андрей, – девушка потянула меня за руку. – Не связывайся с этим придурком.

– А что ему от меня надо? – поинтересовался я, чтобы прояснить ситуацию. – Он смотрит на меня, как Навальный на президента.

– Чего? – девушка непонимающе на меня уставилась.

– Я говорю, как бык на красную тряпку. Я ему что, по рогам когда-то надавал?

– Ты? – девушка удивилась еще больше, видно я совсем не боец. – Нет конечно, он просто тебя не выносит.

Об отношениях с рогатым спросил я не из любопытства. Нужно уже определиться: либо «валить быка», либо, может, я сам когда-то накосячил. Просто не помню. Такое ощущение, что мой сон начался с середины истории про советского школьника-неудачника по фамилии Петров. И основные действия я уже пропустил.

Почему неудачника? Потому что я явно не спортсмен и не отличник. Судя по костюму, из семьи простой, как советские пять копеек. Хотя у девушек популярностью некоторой, как ни странно, пользуюсь. Во всяком случае у одной точно, а другие меня будто не замечали.

Парни тоже немного сторонились меня. Я почему-то это начал вспоминать. Вот и сегодня, пацаны бегали за школь-

ный уличный туалет покурить и приложиться к стеклянной бутылочке с мутноватой жидкостью. Меня при этом никто с собой не звал. Отщепенцев никогда с собой не зовут.

Мы спустились в фойе. Дощатый пол, покрытый десятками слоёв краски сегодня сверкал, как дворцовый паркет. В полумраке он не выглядел таким облезлым. Мы сели на лавку возле расписания. Огромные листы, засунутые под стекло на стене, испещрены рукописными записями. Красной пастой выделены заголовки.

Катя щебетала, что-то мне рассказывая, а я пялился в вишащее напротив затёртое зеркало. На меня смотрел молодой парнишка. Темноволосый с умными глазёнками, правильными чертами лица и немного оттопыренными ушами. Хотя, уши норм. Просто кажутся такими из-за моей худобы. Не сказать, что я дистрофик, кости норм и плечи есть, но мышцы поднабрать не мешало бы. С жирком. Хотя, жирок не надо. Он – дело наживное, всяко прилепится с возрастом. Я так рассуждаю, будто всю жизнь в этом сне собрался прожить. Вот выведут меня из комы и...

Стоп! А с какого перепугу я решил, что это сон? Любой «лунатик» знает, что во сне невозможно разглядеть свое отражение. Увидеть силуэт, конечно, можно, но детали рассмотреть нельзя. По спине пробежал неприятный холодок. Я почувствовал, как зашевелились волоски на теле.

Я посмотрел на свои руки. Розовая кожа без мозолей. Тяжелее стула за всю жизнь ничего не поднимал. Папиллярные

бороздки четкие и не стертые, образуют завитки и дуги. Это у меня профессионально – узоры кожные разглядывать. А вот и еще одно доказательство, что это ни хрена не сон. Во сне невозможно увидеть свои ладони, как ни старайся. Если это не сон, тогда что? Галлюцинации от больничного наркоза? Непохоже. Всё вокруг такое реалистичное. Или всё гораздо проще. Я сошёл с ума?

– Андрей? – фыркнула Катя. – Ты почему молчишь?

– А что? – непонимающе взглянул я на нее.

– Я спрашиваю, ты за билетом когда пойдешь?

– Каким билетом? – я пригладил непослушные волосы, после падения одна прядка стояла хохолком удода.

– Как каким? – девушка всплеснула руками. – За билетом на поезд в Москву.

– За билетом на поезд в Москву? – повторял я, как гастарбайтер из «Нашей Раши».

– Ну да... Уже экзамены скоро. Или ты передумал со мной на медицинский поступать?

– На медицинский? Я?

– Ох, Андрей, – вздохнула Косичкина. – По-моему у тебя сотрясение, ты сам не свой. Иди домой лучше...

– А как же рассвет? – попробовал возмутиться я.

– Какой тебе рассвет, ты белый, как мел и плохо соображаешь. Домой тебе надо.

– А где я живу? – осторожно спросил я.

– Тебе в больницу надо, – на лице Кати промелькнул ис-

пуг. – Ты даже не помнишь, где живешь.

– Да помню я всё, – отмахнулся я. – Просто всё, как в тумане.

Я напряг память. В голове всплыл образ хрущёвской пятиэтажки. Небольшая простенькая квартира. Женщина с седыми висками стоит и улыбается на маленькой кухне.

– Я тебя провожу, – Катя решительно встала и потянула меня за руку.

– Спасибо! – расцвёл я.

Мне вдруг мучительно захотелось спать. Я почувствовал усталость (во сне человек не устает) и некоторый страх за своё непонятное состояние.

– Эй, Петров, – мимо проходила толпа парней, среди которых выделялась рослая фигура Быкова. – Пойдёшь курить?

Бык чуть приостановился и с ехидной улыбкой смотрел на меня. На его виске пульсировала жилка. Немалых усилий ему стоило изображать улыбочивость.

– Не курю, – ответил я.

– Ха! Пацаны! – бык театрально развёл руками, обращаясь к дружкам. – Андрюше мама курить запрещает.

Он повернулся ко мне и добавил со скрежетом в голосе:

– А с девочками танцевать она тебе разрешает?

– А пойдём, покурим, – я встал и решительным шагом направился к выходу, где ждала нас толпа.

Быков опешил, но в следующий момент обрадовался:

– О, Петров, да ты не такой очкун, как выглядишь... Ну

пойдём, покурим-ка, пойдём.

Он хищно улыбнулся и положил на плечо мне руку, увлекая к выходу из школы.

– Андрей! – крикнула вслед Катя. – Не ходи!

– Я недолго! – обернувшись, бросил я.

– Конечно, недолго, – вторил довольный громила. – Мы быстро всё сделаем.

– Я позову директора! – Катя кинулась по лестнице наверх.

Ночной воздух встретил на крыльце запахом травы. Вроде город, а выхлопов не чувствуется. Даже машин почти не слышно. Будто в деревне.

– Пошли за школу, – пропел Быков. – а то физрук увидит и сигареты отберет. Он сам никогда не покупает их, гад.

– Пошли, – кивнул я и зашагал в темноту.

Быков с толпой приспешников семенили следом.

Удар в спину был чувствительным. Я, конечно, не курить шел, но такой подлости от противника не ожидал. Я завалился мордой в траву. Полумрак немного рассеивался хилой луной, которая с удивлением уставилась на группу советских выпускников, учинивших за школой разборки.

– Ну что, Петров! – Быков демонстративно засучил рукава. – Я же тебя предупреждал...

Я еле поднялся. Почка ныла, отдавая в ногу. Блин! Больно-то как. Теперь ясно, что это ни хрена не сон и не глюки. Такая боль не может привидеться.

Быков шагнул вперед и предсказуемо выбросил кулак мне в лицо. Я чуть отклонился и ударил боковым в ответ. Бил не слишком сильно, чтобы челюсть не свернуть, но в итоге не рассчитал. Не привык к своему новому телу и новой массе. Со всей дури лупить надо было.

Удар получился смазанным и слабым. Но и его хватило, чтобы высечь из глаз противника искры. Быков с удивлением уставился на меня. Он никак не мог понять, почему не попал мне в морду. И как я, тварь дрожащая, посмела залепить ему тумака?! Ему! Самому сильному человеку в школе.

– Ах ты, сука! – бык, словно на корриде, кинулся на меня.

Я шагнул в сторону, чуть присел и ударил его кулаком в живот. Быков пролетел мимо, получив спазм диафрагмы. Он сложился пополам и хватал воздух ртом, как рыба на льду. Что-то мычал, проклиная меня.

– Хватит? – я подошел к нему и участливо положил руку на его плечо.

Бык зарычал и, распрямившись, попытался залепить кулаком мне по уху. Я, конечно, этого ожидал. Не просто так подошел по наивности своей. Хотел воспитать. Занятия в секции бокса в молодости очень пригодились. Хотя тело сейчас было не боксёрское, но и не самое хилое. Не как у геймера со стажем.

Уклон с поворотом туловища, и двочка в нос быка. Тот завалился назад, схватившись за разбитый нос.

Его подручные помогли ему подняться.

– Как ты это сделал? – тарасился на меня бык. – Ты же всегда задохликом был!

– После удара головой, – улыбнулся я, – я забыл, что был дрищом. И теперь вряд ли вспомню... Так что, спасибо тебе, Быков, что с лестницы меня спустил.

– Вали его, ребята! – заорал бык и уже с опаской наступал на меня.

Его шайка из четырех человек обступила меня полукругом. Да! Хреново! Даже если я был бы мастером спорта по всем видам спорта (как славный товарищ Бадюк), в уличной драке против стольких человек мне ничего не светит. Тело у меня не такое тренированное и крепкое, как у терминатора.

Придётся использовать подручные средства. Я подобрал с земли увесистый камень и угрожающе покрутил его в руке.

– Эй, Петров! Ты чего? – залепетал Быков. – Брось камень дурак.

– Брошу, – спокойно ответил я. – Брошу в голову первому, кто ко мне подойдёт. Убить – не убью, но череп могу проломить. Кома, операция и инвалидность этому счастливчику обеспечена.

Второму, кто приблизится – откушу ухо. Вцеплюсь в него, как бульдог и откушу, как Тайсон (интересно, Тайсон уже тогда дрался? наверное еще нет). Ну а остальным повезёт. Они смогут меня запинать, если не будут обращать внимание на крики тех, у кого ухо откушено и череп проломлен. Я проиграю, но двое из вас тоже. Я предлагаю вам самим выбрать

этих двух счастливичков, кто первый ко мне приблизится...

– Да ну его ребята, – бык опустил руки и попятился. – Он с ума сошел. Пошли отсюда. А то убьет еще кого.

Стайка приспешников с облегчением выдохнула и скрылась за углом. Я остался один... Смотрел на луну и офигевал. Теперь я точно знал, что попал в прошлое в тело семнадцатилетнего парня (по моим подсчетам ему должно быть именно столько).

Что или кто сотворил со мной такое? А может, судьба дала мне второй шанс? Изменить свою никчемную жизнь? А кто сказал, что она никчемная? Жил, как все... Ну да, в начальство не выбился, потому что перечил много кабинетным крысам. На тачку крутую и на квартиру в центре не заработал. Жена ушла. С дочкой по воскресеньям только виделся. На работе допоздна, стрессы и прочие язвы имеются. И что такого? Да так треть страны живет.

И какого рожна (при этих словах я опасливо посмотрел в звездное небо) кто-то решил, что мне нужен второй шанс? Или я здесь по другому поводу? Ладно, разберёмся. В принципе, в семидесятых в СССР мне нравилось. Я родился в это время когда-то. Это лучше, чем сдохнуть в своём времени, выброшенным из окна. А тут еще и тело молодое. И не такое уж оно никчемное, как показалось на первый взгляд. Просто надо над ним немного поработать.

Итак, что мы имеем? Я Андрей Петров (имя, ура, то же самое осталось, хоть привыкать на придется) вчерашний совет-

ский школьник. Обычный, как канцелярская скрепка. Собираюсь поступать в мед. Буду лечить людей и других животных.

Ну нет... Лечить – это не моё. Бесят меня люди многие. Вот в тюрьму их за преступления сажать – это другое дело. Всю жизнь этим занимался и даже обзавелся десятком латунных медалек и наградными часами за славные заслуги перед родным отечеством. Не густо, конечно, но ни о чем не жалею. И большего ничего не умею. А тут такие возможности... Заново начать жизнь и выучиться на... Агронома? Не... Инженера? Не, математику не сдам. Экономиста? Тоже не мое, я даже зарплату в расчетке не мог никак проверить и понять, что это за столбики диковинные и чего они означают.

Кем я мечтал стать в детстве? Ну космонавтом, это понятно. Вот блин... А еще в детстве я мечтал стать милиционером...

– Вот ты где? – из темноты выплывала знакомая фигурка в белом платье. – Ты зачем с Быковым пошёл? Я думала, он тебя приберет. Это хорошо, что он в темноте споткнулся и лицо разбил. Сейчас ему в учительской вату в нос напихали и йодом царапины мажут. А ты чего здесь застыл?

– Да так, – улыбнулся я. – Стою, размышляю... Хорошо тут у вас. Спокойно.

– У кого это у нас? – Катя потянула меня за руку. – Пошли, я тебя домой отведу. Странный ты сегодня, Петров...

Мы шагали по пустому ночному городу. Деревянные фонарные столбы освещали серую гладь асфальта. Редкие лупоглазые автомобили, похожие на замысловатые мыльницы, вольготно разъезжали по дороге. Старинные, купеческих времен дома перемежались с безвкусными панельными постройками и потухшими на ночь киосками. Никаких горящих вывесок из неона. Вместо рекламных экранов повсюду натянуты красные баннеры: «Да здравствует рабочий класс – ведущая сила нашего общества», «Слава КПСС» и т. д.

Огромным монолитом нависло над нами здание, украшенное советской мозаикой в виде изображения могучего рабочего и не менее мужеподобной, с толстенными ручищами, крестьянки. Женского в ней было только передник и козынка.

На фоне ночного неба угадывались очертания железных красных букв, прикрученных на крыше этого здания: «Гостиница „Октябрь“». Только теперь я узнал свой родной город. По этой гостинице. Но раньше он назывался... Новоульяновск. Областной центр на пятьсот тыщ рыл. А раньше не знаю, сколько было...

– Ну что, – игриво посмотрела на меня Катя. – Вспомнил, где живёшь?

Я мысленно представил себе дорогу домой. Вначале в сознании появились очертания двора с бельевыми веревками, натянутыми на крашенные железные конструкции, и со старой скрипучей вертушкой-каруселью на детской площадке.

Затем тенистый тротуарчик, ведущий по аллее с раскидистыми и ломкими тополями. Затем, вот эта самая улица, по которой мы сейчас шли. Удивительно, но я вспомнил дорогу домой. Как такое может быть? Ведь я ни разу там не был! Но там жил школьник. Я занял его тело, и его некоторые воспоминания мне помогают. И слава богу. Так мне проще будет адаптироваться. Мне же еще в мед надо поступить.

При мысли об этом меня передёрнуло. Врачей я, конечно, уважаю, особенно бесплатных и старых, но работать в этой сфере, пипец, как не хочу. А почему я должен, собственно, работать или учиться? Неужели со знаниями из будущего я не смогу себе на жизнь с маслом заработать?

Так-с... Крипты пока нет, инвестиций тоже, компьютер я изобрести не смогу, книгу написать (Гарри Поттера или Пятьдесят оттенков бестыжего, например) и прославиться, тоже не сумею. Не помню я ни одной книги на память. Ставки на спорт делать? Или как это сейчас называется? Лотерея? Беспроигрышный вариант для любителя спорта. Только я не любитель диванных матчей. В спортзал очно ходил, а по телеку не смотрел. Так что, этот вариант тоже отпадает.

Остается только одно... По проторённому пути. Придётся поступать в школу милиции. Осознав это, мне вдруг стало намного легче. Будто с души упал камень, размером с задницу борца сумо. Хотя где-то в глубине сознания моя гаденькая темная сторона нудела и скрипела голоском Голлума: «Опять в ментовку, опять заново жизнь профукать. Пока

твои одноклассники бизнес строили и коттеджи покупали, ты в задах сидел и всухомятку чебуреки трескал. Ты этого снова хочешь?».

– Мы пришли, – вздохнула Катя и остановилась возле серой, как стандартная мышь пятиэтажки. – Ну, до завтра...

– До завтра, – улыбнулся я.

– Квартиру сам найдёшь? Вон смотри, у тебя свет в окошке горит. Мама твоя не спит ещё. Не ждёт она тебя так рано...

– А отец где? – нахмурился я.

– Ты что? – Катя изменилась в лице. – Нет у тебя отца...

– Да шучу я, – соврал я. – Знаю, что нет, тебя проверял...

Ну всё, я пошёл.

Я наклонился вперёд и чмокнул Косичкину в губы. Та налилась краской и немного отпрянула.

– Ты что? – выдохнула она.

– А что такого? – я непонимающе на неё уставился.

Не привык, чтобы на мои поцелуи так реагировали девушки, с которыми я под ручку по ночному городу брожу.

– Это же... Неприлично...

– Так, я не понял, – уже нахмурился я. – Мы с тобой дружим или нет?

– Дружим! – закивала девушка.

– А в чём тогда дело?

– Мы, как комсомольцы дружим, как одноклассники...

– А-а-а, – скривился я. – Понятно, что у вас... У нас все

по-комсомольски. Ладно, пока.

Я развернулся и побрёл в сторону своего подъезда. Косичкина проводила меня мечтательным взглядом и растворилась в глубине улицы.

Неплохая девчонка, но странная. Хотя, сейчас все девушки такие. Эгоцентричные шаболды ещё не народились. Их принесёт поколение нулевых...

Я шагал по пустому подъезду. Пахло жареной рыбой и беломором. Поднялся на второй этаж и остановился перед неказистой, обитой потрескавшимся дерматином, дверью. Вот и мой новый-старый дом. Я вспомнил эту дверь, с истертой до зеркального блеска дверной ручкой и прилипшей к стене под многочисленными слоями зелёной краски круглой кнопкой звонка.

Но звонок не работает. Я это помнил. Тихо постучал. За дверью послышались шаги. Щёлкнула щеколда и дверь распахнулась.

– Привет, мам...

Глава 4

Передо мной стояла женщина лет сорока с усталым взглядом и тронутыми сединой густыми волосами, скрученными в тугую шишку на голове. Ситцевый подвыцветший халат скрывал крепкую, но чуть сгорбленную фигуру. Наверняка в молодости она была красавицей, но сейчас её что-то надломило.

То, что это была моя мать, я ничуть не сомневался. Лишь только я её увидел, в голове всплыли знакомые образы, и я её узнал. При виде её, по жилам приятным теплом разлились эндорфины. В той жизни родителей я не знал. В детдоме вырос. А теперь вот самому интересно. Как это... Иметь семью в детстве. Хотя какое детство? Лоб уже семнадцати лет (раз закончил десятый, значит, столько мне) под метр восемьдесят вымахал. Ну лучше поздно, чем никогда и ни с кем.

Мать удивленно вскинула тонкие дуги бровей:

– Андрюша? А ты почему так рано? Случилось чего?

– Всё нормально, мам (мне почему-то было приятно её так называть, хотя фактически, она не моя мать, а лишь моего биологического тела). – Устал просто...

– Всё ясно, – вздохнула она. – Опять тебя Быков со своими дружками доставал? Эх... Ну в кого ты у меня такой тихоня? Друзей бы завел, глядишь, в обиду тебя не дали...

– У меня что? Нет друзей?

– А ты, будто не знаешь, – мать посмотрела на меня с укоризной. – Сидишь дома целыми днями, как сыч, да в книжки пялишься. Ну хоть толк будет с этих книг и то ладно. Вот поступишь в медицинский, комнату в общежитии дадут, стипендия будет. И мне легче станет.

Я разулся и очутился в крошечной двушке с потёртыми высохшими обоями из красноватой бумаги и старой мебелью югославской полировки. Здесь нельзя было заблудиться, и я сразу нырнул в ванную вымыть руки.

Крашенные в общажно-синий цвет стены ванной оказались лишены кафеля. С побеленного потолка грустно свисала лампочка на черном проводе, измазанном высохшими каплями извести.

Медный потемневший кран натужно заскрипел, выдавая порцию воды. Да-а... Небогато мы живем.

Я вышел из ванной и направился на кухню. Деревянное окно открыто и в воздухе летали хлопья тополиного пуха. Они перекатывались по столешнице старинного буфета до-революционных времён. Я уселся за стол, накрытый потрескавшейся клеёнкой в зеленую клетку.

– Есть будешь? – не дожидаясь моего ответа, мать плеснула в тарелку красного, еще дымящегося борща с запахом наваристой говядины и чеснока. Достала из неказистого ЗИЛовского холодильника с выпуклой дверцей, больше напоминавшего капсулу криосна, кусок замёрзшего сала и порезала на затертой почти до дыр разделочной доске. Борщ

и сало... Я чуть слюной не подавился. Ещё бы пятьдесят грамм холодненькой. Но, не надо забывать, что я вчерашний школьник. Да ещё и советский.

– Знаешь, мам, – пробубнил я с набитым ртом. – Я передумал поступать на врача. Не моё это, людей щупать и давление мерить.

Тишина повисла в воздухе. Слышно, как оглушительно тикают висящие на стене маятниковые часы с кукушкой. Хотя кукушка давно сдохла.

Мать пришла в себя и вздохнула. Села рядом, подперев голову руками.

– Как? Ты столько готовился, я работала на двух работах, чтобы достать тебе все учебники, чтобы ты ни в чем не нуждался, чтобы смог спокойно готовиться... И всё зря?

Голубые глаза матери потухли и превратились в серые. Ещё немного и в них появится блеск капель. Я поёжился.

– Не моё это, лечить людей, – как можно более мягче проговорил я.

– И кем же ты хочешь стать? На завод пойдёшь? Я думала в люди выбьешься. Хирургом станешь, ну или стоматологом. А если продвинешься до заведомости, то госдачу и квартиру дадут. Зарплата неплохая. Так и будем без телевизора жить? Наш «Рассвет» сломался, а на новый денег так и не скопили.

– На завод точно не пойду, – замотал я головой, – а учиться буду (мне всего лишь диплом нужен, но в советское время

его не купить).

– И на кого?

– На милиционера.

– Пришла беда, открывайте ворота! – всплеснула мать руками. – На них что, учат разве?

– А как же... Высшая и средняя школы милиции есть. Можно сразу, конечно, пойти работать со школьным образованием, но там в армии надо отслужить вначале, и возьмут тебя только на сержантскую должность. ППС-ником каким-каким – нибудь или в комендантскую группу на ключах сидеть. Не моё это. Мне звание надо нормальное получить. После средки оно быстрее будет – два года учёбы, и ты – младший лейтенант. Потом вышку можно заочно добить. Два года, считай, сэкономлю. Опять же гос. обеспечение, не общага, конечно, а казарма, но в штат сразу зачисляю в должности слушателя учебного заведения МВД СССР. Зарплата почти, как рядовому капает, а это побольше, чем стипендия в меде. Стаж службы сразу идет. Так что не переживай, нормально всё будет.

Мать сидела с раскрытым ртом и хлопала глазами:

– Ты когда это всё узнал? И говоришь так странно. Будто не ты это. Не мямлишь, а все чётенько разложил по полочкам.

– Вчера всё узнал, – соврал я. – Как передумал на медика поступать, так узнал.

– У кого?

– Да там с параллельного класса один тоже туда собрался поступать. Не помню его фамилию. Он мне всё и рассказал.

– А в город какой ехать надо?

– Никуда ехать не надо. У нас средку открывают в этом году (это я точно помнил, потому что на практику к нам в РОВД много потом балбесов с этой школы милиции приходило).

– У нас в Новоульяновске? – глаза женщины расширились.

– Да, потом планируют на её базе сделать высшую школу милиции. Помнишь новые корпуса построили и территорию огородили в районе центрального парка?

– Ну.

– Это и есть школа милиции.

– Ничего я об этом не слышала.

– Ну правильно, – усмехнулся я. – Телевизор же сгорел, а газеты ты не читаешь.

Я это тоже почему-то помнил, видать бывший хозяин моего сегодняшнего тела, каким-то образом влиял на мою память и мироощущение. Я даже чувствовал себя более спокойным и более, так сказать, «ботаническим». Школьник немного осадил прожжёного мента. Старый матёрый опер обсуждает поступление в учебное заведение со своей матерью. Скажи такое кто мне раньше, в глаз бы плюнул. А сейчас мне казалось это совершенно нормальным. Как говорится, по Сеньке и фуражка. Не зря считается, что не мозгом

единым руководствуется человек. Есть еще гормоны, сердце и другие более важные органы, которые часто участвуют в принятии жизненно-важных решений. Особенно когда эти органы подпитываются горячительным.

Кстати... Сегодняшнюю дозу вечернего пивка я так и не допил. Меня убили (теперь я в этом не сомневался, ни какая это ни кома). А в новом теле бухать не хочется. Почти не хочется. Странно... Может я еще и курить брошу?.. Ведь сейчас совсем не тянет.

– А как же Катя Косичкина? – уставилась на меня мать, будто я в чем-то провинился.

– А что Катя? – я отставил пустую тарелку, по телу разлилась сытость.

– Вы с ней вместе собирались поступать в Москву. Из семьи она хорошей.

– Ну мне как-то всё равно на Катю, – честно ответил я. – Вижу, что девушка она хорошая, но жениться мне пока рановато. А для остального и других девушек полно.

– Как ты можешь так говорить? Она же будет переживать!

– Так мы вроде бы просто друзья? Разве нет?

– Друзья, – закивала мать. – Но она так смотрит на тебя...

– А я?

– А тебе со своими книжками интереснее...

М-да-а... А я не только лузер, но еще и импотент. Тьфу, тьфу, не дай бог... Такая деваха за мной бегаёт, а я не знаю, что с её телом делать. Да что с её, со своим наверное тоже...

Ни с девкой замутить, ни гирию потягать не могу. Это ещё хорошо, что компьютеров в этом времени нет. А то бы совсем превратился в комнатного червя.

Мать вздохнула и, махнув рукой, встала из-за стола:

– Ладно, поступай в свою школу милиции. Но обещаешь, что станешь потом генералом.

– Это можно, – улыбнулся я.

– Долго до такого звания служить-то? – спросила мать.

– Генерал – это не звание, это счастье, во всяком случае в будущем так будет.

– Откуда ж тебе знать, что дальше будет?

– Да все это знают, – пожал я плечами. – Мировой коммунизм распространится по всей Земле и по всем странам. Денег не будет. Каждый будет брать столько товаров и продуктов, сколько ему надо. Так вроде нас в детстве учили.

– Так, – кивнула мать. – Спать ложись. Поздно уже.

* * *

Утро ворвалось через открытое окно лаем собак и свежестью росы. Воздух казался чистым, как в деревне. Не открывая глаз, я привычным движением свесил с кровати руку и потянулся к полу. Поводил по заскорузлomu линолеуму пальцами и ничего не нашел. Блин! Где этот чёртов телефон? Будильник на нём не прозвонил. Надо срочно посмотреть время. Наверняка уже обед или того хуже – утро... Опять

его оставил на зарядке на тумбочке. Сколько раз зарекался так не делать – батарея от таких забывалокдохнет...

Открыл глаза и с удивлением понял, что мобильника, интернета, мировых новостей и прочего треша в ближайшее время не предвидется. Я – выпускник средней школы и живу с матерью в обычном советском городе. Меня не заботят крипто и курсы валют, у меня всё гораздо проще – надо поступить в школу милиции и найти своего сослуживца (ему сейчас наверное лет десять, не больше), того, что убил меня в 2022 году.

В глубине души я порадовался, что это не сон. Все дороги открыты. Можно начать жизнь заново. Но почему, чёрт побери, я опять пытаюсь выбрать прежний путь? И ничего с собой не могу поделывать. Может, судьба закинула меня сюда не просто так? Может, есть какое-то предназначение.

Я не верю в избранных и прочих блаженных, которых провидение (или сценаристы в Голливуде) назначило спасти мир от сил зла (или русских). Но в свете последних событий, учитывая, что я переместился в прошлое, уже не так категорично к этому отношусь.

Я встал с кровати. На мне была чуть растянувшаяся белая майка, висевшая на острых плечах, как флаг сдающегося в плен солдата. И черные хб-шные трусы-паруса. Всё, как в советских фильмах.

Я потянулся и, приняв упор лёжа, попробовал отжаться. На пятый раз чуть не зарюхался носом в пол. Руки мои дро-

жали, как ноги проститутки после двойной смены. Да-а... Надо браться за это тело всерьёз. Даже отжиматься нормально не умею. А мне ещё на вступительных физо сдавать. Бег, прыг и другие турники.

Надо, кстати, узнать, что за экзамены там принимают. В своем времени я истфак закончил, так как совсем не собирался служить в органах внутренних. Но друг меня завлёл и завертелось. А потом этого друга списали на пенсию и он стал маньяком. И убил меня, гад, исподтишка. Зачем? Все равно ему не скрыться. Наверняка Коля дал ходу справке о совпадении ДНК по базе.

С отжиманиями не срослось, и я решил поприседать. Выгнул спину в пояснице, как тиктокерша перед зеркалом, которая собралась селфить свой попец. Расправил плечи, и присел. Колени по-стариковски хрустнули. Раз, два, три. Через пару десятков раз хруст исчез. А я вывалил язык на плечо, как сенбернар посреди пустыни, одышка тоже присутствует. Вот блин. Я на физру вообще что-ли не ходил. Вроде в советских школах со спортом всё по фэн-шую было. Наверное, я тот еще прогульщик.

Я оглядел свою комнату, чтобы узнать себя получше. Простенькие обои в безвкусный горошек, массивный, чуть кособокий шифоньер, письменный стол с выдвижными ящиками и панцирная скрипучая кровать с ватным матрасом. Все...

Даже магнитофона нет. Но зато на стене висит гитара. Ух! Неужели я играть умею. В той жизни мне по уху (даже по

обоим) пробежало стадо медведей. Больших таких, белых, наверное, ну или минимум гризли. А в этой?

Я снял гитару и сдул с жёлтого, чуть потёртого корпуса, пыль.левой рукой зажал струны, а правой ударил по ним. Дребезжащий звук разнёсся по комнате. Ударил второй раз. Звук повторился, только стал ещё более противным. М-да-а... А я думал, ща как польётся песня дивная. Очи черные, ну или утки, на худой конец. И два гуся с ними. Хотел, как лучше, а получилось, как у Бузовой. Ну, ту хоть куча народа слушает. А у меня даже воробьи с подоконника смотались после такого концерта. Даже нагадить успели в знак своей признательности.

В дверь постучали, я не успел ничего ответить, как в комнату вошла мать. Вид у не был обеспокоенный:

– Андрей, там к тебе пришли...

– Кто? – удивился я.

– Из милиции. Поговорить хотят.

Я быстро натянул трико с вытянутыми коленями и незаметной дырочкой на бедре и вышел из комнаты.

– На диване, под настенным ковром с изображением пятнистого оленя сидел, похожий на него человек в милицеевской форме старшего лейтенанта. Только вместо рогов кустистые усы. Глаза хитрые, как у Бармалея. Нос красный, как у Санты, покрыт сеточкой капилляров. Однако, любит служивый выпить.

– Андрей Григорьевич Петров? – милиционер вопроси-

тельно уставился на меня.

О, круто, отчество у меня, оказывается, как в прошлой жизни. Вот так совпадение. Или это не совпадение?

– Да, – кивнул я и уселся на стул напротив.

Мать, заломив руки, прислонилась к стене и вздыхала. Интересно, что он ей уже наговорил? Ладно. Разберемся сейчас с коллегой.

– Я участковый инспектор милиции Осинкин. Жалоба на вас поступила, Андрей Григорьевич.

– Какая жалоба? – непонимающе уставился я на него.

– Ну как же, драку на выпускном затеяли. За школой. Человека чуть не покалечили...

– Какого человека? – включил я Ваньку.

– Одноклассника вашего, Быкова.

У матери отвисла челюсть.

– Все нормально с Быковым, – невозмутимо ответил я. –

Он сам упал и нос разбил.

– А у нас другие сведения... – загадочно проговорил Осинкин.

В голове прокрутились все возможные варианты событий. Что-то темнит коллега. Быков меня не сдал. Он даже в учительской ничего не сказал, когда ему в нос затычки вставляли. А тут вдруг целый участковый пожаловал. Конечно, в советское время побои в общественном месте карались серьезнее, чем сейчас. Как злостное хулиганство квалифицировались. Но Быков-то меня не сдал. И я вспомнил этого мента.

Ну как же! Он всех местных алкашей в вытрезвитель регулярно забирал. А потом сам же их выпускал за пузырь или за червонец. Что ж ты, гнида, честь советской милиции позоришь? Даже мне за державу стало обидно.

– Покажите мне заявление.

– Какое заявление? – опешил участковый.

– Которое написал на меня Быков. О причинении телесных повреждений из хулиганских побуждений.

– Заявление.... Э-э... Я же говорю, жалоба...

– Его нет, так?

– Но есть жалобы от других участников инцидента, – хриплый голос участкового растерял нотки уверенности.

– Каких?

– Вот, выпускник Зинченко сообщил, что вы вели себя неподобающе комсомольцу. Затеяли драку с одноклассником и разбили ему нос.

– Зинченко? Это дружок Быкова? – память реципиента постепенно ко мне возвращалась (главное, чтобы его мозг не вернулся, а то буду, как Билли Миллиган, с толпой разных ублюдков в голове жить). – А не у него ли случайно отец в горкоме партии работает? Это он вам звонил? И потом, если потерпевший Зинченко, тогда должен быть акт судебно-медицинского освидетельствования его брэнного тельца с фиксацией побоев и определения степени тяжести причиненного вреда здоровью. А так получается, что вы превышаете должностные полномочия.

Осинкин не ожидал такого напора от пацана-тихони и заёрзал под моим проницательным взглядом.

– Это неважно, – пробормотал он. – Но я должен принять меры...

– В общем, так, товарищ участковый. Я так понимаю, что письменного заявления или обращения нет. Соответственно, вы не можете меня привлечь к административной, а тем более к уголовной ответственности. Есть некая устная жалоба, скорее всего телефонный звонок. Но слова к делу не привяжешь. Это обращение не зарегистрировано, а значит ваше присутствие здесь не совсем законно. Вы, конечно, можете реагировать на устные обращения граждан, но только лишь с целью проведения профилактических бесед с нарушителем. То есть со мной. Считайте, что беседу вы уже провели, я вас больше не задерживаю. Всего хорошего.

– Да ты! Да я! – пыхтел участковый, но не находил подходящих слов.

– Дядя Петя, иди уже на обход своего участка, – тихо проговорил я. – Алкаши тебя заждались. Сегодня ты какой-то хмурый с утра. Видать, никого еще в каталажку не упёк.

– Как ты разговариваешь с сотрудником милиции, щенок?! – дядя Петя снял фуражку и смахнул крупные капли со лба.

– Не шуми, – улыбнулся я. – А то соседи милицию вызовут. И не приходи больше. А то некоторые пьянчуги из третьего подъезда, что на втором этаже живут, помнишь? Захо-

тят вдруг в прокуратуру обратиться. И рассказать следователям, сколько стоит свобода в медицинском вытрезвителе.

– Ты кто? – тихо выдавил участковый и пулей вылетел из квартиры.

Даже фуражку забыл.

– Дядя Петя, фуражку забери! – крикнул я вдогонку. – Мне она великовата будет. Я вам еще не говорил? Тоже в милицию собираюсь. Скоро вместе работать будем...

Горе-милиционер торопливо вернулся, схватил фуражку и вновь исчез. Я посмотрел на мать. Она подпирала стену с открытым ртом и круглыми, как у мадагаскарского лемура глазами.

– Андрюша, – пробормотала она. – Это что сейчас было?..

Глава 5

Скрипучий лупоглазый ЛиАЗ с шипением раздвинул створки дверей и выпустил толпу народа из своих недр. Остановка «Первомайская» примостилась у городского парка. Я вышел вслед за потоком людей из жёлтого автобуса, с немного пожатканными от времени боками, и направился напрямиком к огромному бетонному забору, который прерывался шлагбаумом с будкой КПП. За забором возвышались новенькие корпуса.

Вот оно – моё учебное заведение. Что я там забыл? Хрен его знает. Как сотрудник, я подкован лучше любого советского генерала. Знаю такие фишки в расследовании, которые им и не снились. Но мне диплом нужен. Странно, но почему-то зазорным не считаю – окунуться в курсантство с нулевыми, как моя сегодняшняя жизнь, погонями. Такое ощущение, будто раньше мне этого не хватало. Курсантом я никогда не был. В ментовку пошёл работать после гражданского ВУЗа.

Из будки высунулась молодая выбритая морда в погонах рядового. Очевидно, курсант. Но первого набора ещё не было. Сюда, наверное, перевели местных из числа слушателей из Воронежа или Волгограда. Самые крупные школы там были.

– Что хотел? – сонно проговорил постовой.

– Я поступать, – ответил я. – Узнать хочу, какие документы нужны и какие экзамены сдавать.

– Нужны письменные рекомендации из горкома комсомола, военный билет с характеристикой из военной части, где проходил службу, школьный аттестат и характеристика со школы, – выдал заученную фразу рядовой.

– Чего? – у меня отвисла челюсть. – Какие рекомендации, какой военник? У меня только аттестат и паспорт.

– Без службы в армии и рекомендаций горкома никак нельзя, – замотал головой курсант. – Я в прошлом году поступил в Волгоград. А до этого, мне ещё пришлось год после армии в ППС-никах рядовым пробегать, чтобы рекомендации получить. Потому что комсомольцем я не был тогда.

– Да ты издеваешься! – внутри меня все вскипело. – Тут школа милиции или набор в академию высшей партийной номенклатуры (знаю, что такой нет, но интересное название). – Пропусти, – категорично кивнул я. – Хочу с начальником курса переговорить.

– Не положено, – курсант бочком отошел к будке. – Он вам ничего нового не скажет.

– Посмотрим, – сказал я и шагнул к крутящейся вертушке-калитке.

– Стоять! – курсант схватился за поясную кобуру.

Ну кого ты хочешь напугать? Я уже давно срисовал, что пистолета в ней нет. Так, тряпьем каким-то для вида набита. Для местных проверяющих, наверное, прокатывает.

– Что за шум? – зычный голос раздался у меня за спиной.

Следом за голосом появился седой полковник с выправкой солдата.

– Да вот, товарищ начальник курса, – пожаловался курсант. – Гражданский хочет внутрь прорваться.

– Зачем? – возрастной полковник сверлил меня пронизательным взглядом.

– Поступать, товарищ полковник, пришёл, – с деланной бравадой отчеканил я. – А товарищ курсант рекомендации из комсомола спрашивает какие-то.

– Правильно спрашивает, – кивнул полкан. – Учиться в школе милиции СССР достойны только лучшие и сознательные граждане.

– И где мне взять эти рекомендации?

– Вы же состоите в комсомоле, молодой человек? – нач-курса вскинул на меня кустистую бровь.

– Наверное, – пожал я плечами.

– Как это? Шутите? Такими вещами не шутят. Если я об этом доложу секретарю вашего отделения, исключение из рядов ВЛКСМ вам обеспечено.

– Я ему то же самое сказал, товарищ полковник, – с ехидной улыбкой распушил хвост курсант. – Не нужны нам такие в советской милиции.

– Ну, ну, Савельев, – одернул его полкан. – Не накручивай. Каждый может ошибаться. Главное, не каким ты был, а каким стал...

– Хорошо сказали, товарищ полковник, – я тоже напустил ехидства на свою рожицу и посмотрел с хитрым прищуром на курсанта. – Вот товарищ Савельев, например, сегодня тоже ошибся, когда вместо пистолета на дежурство тряпья набил в кобуру.

– Что? – полкан нахмурился. – Курсант Савельев, немедленно предъявите табельное оружие для осмотра.

– Товарищ полковник... Я-а-а... – заблеял тот в ответ.

Я молча развернулся и побрел прочь по направлению к остановке, слушая доносившиеся крики полковника.

Вот, бляха, и кончилась моя карьера мента. Это получается надо в армии вначале оттрубить, потом год на рядовых должностях помыкаться в райотделе, потом, если ВЛКСМ сочтёт меня достойным, меня направят в школу милиции. Бред какой-то. Я поступал на службу в начале девяностых. Тогда все проще было. Брали всех с улицы, лишь бы судимостей не было. Вот и получили потом ментов нулевых. Полубандитов-полуоперов.

А здесь многоступенчатая система отбора. Хотя не сказал бы, что работа престижная, не как в прокуратуре или по партийной линии если грести, но отбор проводится, прям как в КГБ СССР, только чуть по упрощённой схеме.

Я погрузился в грустные мысли и не заметил, как добрался до дома.

– А я тебя уже полчаса жду! – со скамейки возле моего подъезда вспорхнула девушка в приталенном платье в

красный горошек.

– Катя? – обрадовался я. – Привет!

– Ты как? – она уставилась своими ясными глазами на меня, словно искала следы хвори. – Отошел от вчерашнего? Говорят, отец Зинченко позвонил директорисе и участковому. Что ты там устроил за школой?

– Ничего особенного, – пожал я плечами. – Проехали. А ты чего пришла?

– Как чего? – надула розовые щечки девушка. – Мы же сегодня готовиться к экзаменам должны. Ты меня по общей биологии обещал подтянуть. Да органическая химия у меня хромает.

– Э-э... Тут такое дело.

– Ты что, не можешь сегодня? Мог бы и предупредить!

– Как? У тебя ни вайбера, ни ватсапа, ни другой тиктоковской ерунды ведь нет, да и у меня тоже...

– Что?

– Я говорю у нас в квартире телефона нет. Мать говорит на очереди уже два года стоим, а толку нету.

– Я знаю, что у вас телефона нет. Но мог бы сбегать до автомата и позвонить мне.

– А какой у тебя номер?

– Ты издеваешься?! – девушку фыркнула и, демонстративно развернувшись, зашагала прочь.

– Катя, – я подбежал и схватил её за руку (она не торопилась ее выдёргивать). – Подожди, мне надо с тобой кое-что

обсудить. Чаю хочешь?

После некоторых ломаний она согласилась посетить мою квартиру. Мы поднялись на этаж, и я извлёк из-под коврика ключ от двери. Как же мне нравился этот коммунизм, когда все знали, где ключи от квартиры лежат.

Матери не было, опять пропала на работе. Днём работала кассиром в сберкассе, а вечером там же мыла полы на ставке уборщицы.

Мы зашли в пустую квартиру, как заговорщики. Заниматься мы не собирались, и Катя чувствовала себя чуть ли не преступницей. Вот времечко... Даже за ручку чтобы поддержаться, и то надо было с месяц сначала подружить.

Мы расположились на кухне, я разлил по фарфоровым чашкам чай. Их я принес специально из серванта, что занимал полстены в зале. Не хотелось угощать Косичкину из эмалированных, с отколотыми краями, железных кружек. Поэтому, пришлось временно разукомплектовать элемент декора каждой советской квартиры.

Индийский чай из квадратной, дешевого вида пачки, больше похожей на разукрашенную ребёнком туалетную бумагу, оказался божественным. Аромат его напоминал запах весеннего луга после дождя, отдавал дымком костра. С таким чаем и кофе не нужен. Я взял в руки пачку и повертел: «НЕТТО 50 г. Цена 38 коп».

Надо запомнить, раз мне тут ещё долго жить. Хотя чаёв тут наверняка выбор небольшой: индийский, цейлонский и

грузинский. Других не припомню.

– О чём ты со мной хотел поговорить? – уже расслабленно улыбнулась Катя, взяв из хрустальной вазочки ириску.

– Я передумал поступать в мед, – сказал я.

– Что? Но почему? Ты же всю жизнь об этом мечтал.

– Со мной кое-что произошло. Я хочу работать в милиции, но для этого мне надо получить рекомендации из горкома комсомола. Так просто не поступить.

– Рекомендации? – всплеснула руками Косичкина. – Да тебя чуть не исключили из комсомола полгода назад.

– За что? Расскажи мне, я после вчерашнего падения плохо соображаю.

– А ни за что!

– Так разве бывает?

– Конечно, бывает! В слётах ты не принимал участие, в спортивных мероприятиях и в художественной самодеятельности тоже, в агитационной работе ты ноль. Ты ничего не делал, как комсомолец. Тебя не исключили только потому, что я за тебя поручилась. А ты даже этого не помнишь.

– Ты? Поручилась?

– Ну да, секретаря школьного комитета комсомола послушали. И на совете тебя не исключили.

– Ты главная комсомолка в школе? – вытаращился я на Косичкину.

В моих глазах она выросла на два порядка.

– Ох, Петров, ты придуриваешься или просто от медин-

ститута откашиваешь? Мы с тобой по целевому поступаем вне конкурса. На нас документы все готовы. Что мы скажем в горно? Что молодой строитель коммунизма вдруг передумал выполнять, возложенные на него партией, задачи? Что поддался веянию буржуазных идей и не хочет учиться, а хочет наживаться на рабочем классе, используя мошеннические схемы спекулянта и фарцовщика.

– Ты что, Косичкина? – я чуть чаем не захлебнулся. – Я ж ментом хочу стать, а не бизнесменом.

– Каким еще бизнесменом?

– Это потом так спекулянтов называть будут.

– Когда потом? – с подозрением уставилась на меня де-вушка.

– Не скоро, сама увидишь, всё равно сейчас не поверишь.

– Подожди, Петров! Ты что? Веришь, что паразитирующих на рабочем классе, будут называть красивыми иностранными словами? И считаешь, что партия это позволит?

– Не будет партии.

– Что?

– Вернее будет, но не одна, как сейчас, а много. А толку от них будет, как от хромого козла кислого молока.

– Думай, что говоришь, – зашипела Катя. – Да за такие антисоветские слова могут...

Меня достала эта политическая перепалка и я решил заткнуть ей рот в прямом смысле этого слова. Губами. Я обхватил руками её затылок и резко притянул к себе, накрыв

ее губы поцелуем. От нее по – прежнему пахло сиренью, а от губ чувствовался вкус ирисок.

Косичкина несколько раз дёрнулась и обмякла. Я приобнял её поудобнее. Моя рука заскользила по ее бархатистой шее ниже, по плечу, по спине, по талии, по упругой ягодице.

Только тогда девушка дёрнулась и вырвалась из моих объятий. Она налилась краской и опустила глаза.

– Всё нормально, – успокоил я её. – Только жаль, что в СССР нет секса.

– Об учёбе думай, Петров, – бросила на меня гневный взгляд Косичкина.

Ну хоть по морде не зарядила, как это в фильмах советских бывает, и то ладно. А девка хороша. Только сейчас я ее разглядел основательно. Даже в моем ботаническом тельце заиграл тестостерон. Только толку то что. Как говорится, до свадьбы всё сам... Эх... Что за время такое. Ни выпить, ни закусить.

* * *

Уже вечерело, мать ещё не вернулась с работы, и я бродил по летним улочкам города, размышляя о своей судьбе. Может и правда в мед податься? Ну и что, что это не моё. Не все же врачи лечить умеют. Многие так, числятся. Если сейчас отучусь, в девяностых можно будет свою клинику сколотить. Бизнес раскручу. Потом в предвыборную кампанию вложусь

основательно и в депутаты пролезу. А дальше в министерство и в правительство. Ну или в их друзья. В олигархи подамся.

От таких мыслей плечи мои невольно передёрнулись. Все мое существо противилось такому раскладу. Ну почему я такой непутевый? Ни взятку взять, ни по головам пройтись... Все мои сослуживцы (кто не дурнее ржавого паровоза был) уже давно минимум в полковниках ходят, еще и бизнес мутят. Хотя некоторых уже отправили в места не столь отдалённые. А я в свои пятьдесят с хвостиком – вечный товарищ майор. Как терминатор. Времена меняются, а он остаётся...

Солнце неожиданно быстро завалилось за горизонт, и на город опустились сумерки. Улицы вмиг опустели. Тусклые фонари бросали желтоватые тени на брусчатку царских времен. Сам не заметил, как очутился в старом и глухом районе города. Здесь много было заброшенных и полуразрушенных еще войной старинных домов. На их реконструкцию денег не было, а разобрать и новые построить, минкультуры не разрешало. Всё-таки памятники архитектуры.

Не по-летнему зябкий ветерок неприятно лизнул спину. Моя простенькая одежда из трикошек и футболки стала совсем не по погоде.

Я побрёл в сторону дома, но моё внимание привлек огромный особняк из потемневшего от времени кирпича. Он смотрел на меня черными глазницами пустых окон и будто манил. Интересное здание. Я его вспомнил. В моем времени

его отреставрировали, и там будет располагаться дом детского творчества (бывший дом пионеров). Я часто отвозил туда свою дочь и ждал, пока у неё закончатся занятия. А сейчас это просто развалины.

Мне захотелось взглянуть на них поближе. Я шагнул вглубь подворотен и вскоре оказался возле дома в глухом дворе. В окнах мелькнула тень. Я замер. Показалось, наверное.

Но оперская чуйка подсказывала, что дело неладное. Я укрылся за раскидистым вязом и стал ждать. Через пару минут из заброшенного дома вышли двое. Широкие мятые брюки без стрелок, рубашки с закатанными рукавами, кепки а-ля Грузия. Типичные советские работяги, ну или гопники. Одевались они раньше одинаково. Что они там делали?

Движения мужичков были суетливы. Они явно торопились. Быстрым шагом спешили прочь. Что они там напакостили? Сразу видно, что дело пахнет уголовкой.

Я ускорил шаг. Мужички меня заприметили и прибавили ходу.

– Стоять! Полиция! – по привычке гаркнул я (милиция ж тут, во лоханулся).

Но оба слова звучат почти одинаково, особенно если орать громко и с раскатами по подворотням. Окрик стегнул незнакомцев, как бич пугливых бычков. Они рванули с места, словно беговые страусы. Вот, черт! Я рванул за ними, сработал инстинкт гончей. Я рефлекторно похлопал себя по пра-

вому боку, где не оказалось кобуры с пистолетом. Но уже вошел в азарт и останавливаться не собирался. Припустил, что есть мочи.

Мужички свернули в подворотню и пытались скрыться, петляя переулками. Но заброшенный переулок неожиданно оборвался огромной решёткой, отгородившей кирпичную арку от проулка.

Один из убежавших подёргал толстые прутья. Решётка в ответ презрительно гроыхнула, чуть отклонилась, но не поддалась.

Я догнал беглецов и, запыхавшись, встал чуть позади них. Они были в ловушке. Только, почему-то мне казалось, что в ловушку попал я. С таким подростковым телом, как у меня, против двоих жлобов в темном переулке – это то же самое, что с мопсом на крокодилов охотиться. Но оружие моё не в мускулах.

– Ты что фраер? – хмыкнул один из них с рябым, как у Фреди Крюгера лицом. – Какой же ты мент. Вот напугал, сука!

Гопники разглядели, что перед ними простой пацан и расслабились.

– Мамку потерял или сигареты нам принес? – гоготнул второй, потолще в плечах и морде.

– Что бегаετε, мужички? – я оценил обстановку и сделал шаг назад, не давая им меня окружить. – На спортсменов вы не похожи.

– Ну как же? – лыбился рябой. – Мы шахматисты. Можем шахом и матом крыть. Хочешь, покажем. Иди сюда.

Ну вот, бляха. Из охотника я превращался в дичь. И чем только думал, когда рванул за двумя гопниками в темном переулке? Рефлекс опера пересилил инстинкт самосохранения.

Я запустил руку в карман, чуть оттопырив его. Пусть думают, что у меня там что-то лежит. Пусть гадают: нож или пистолет. Эх... Щас бы самый простой алиэксспрессный складешок с гнутым лезвием. Ну или хотя бы баллончик газовый. Никогда такие штуки не использовал, всегда кулаками справлялся. А тут...

Гопники напряглись. Улыбки сползли с их потертых, как кирзовый сапог, лиц. Рябой выхватил нож.

– Мочи его, Кастет! – заорал он и бросился на меня с ножом.

Я встретил Рябого ударом ноги в пах. Почувствовал, как хрустнули его бубенцы. Удар усилила инерция тела врага. Нападавший сложился пополам и с воем завалился на землю. Широкомордый подлетел ко мне и с разбегу махнул кулачищем по направлению к моей голове.

Глава 6

Но за долю секунды до встречи кулака с моей челюстью я поднырнул под локоть и выбросил ответную двоечку в бульдожь морду. Щелкнули зубы «бульдога», но он устоял на ногах. Силы удара не хватило повалить матерую тушу.

Я отскочил назад, увернувшись от его цепких лап. Туша бросилась на меня, размахивая кулаками. Еще секунда, и он сметёт меня и раздавит. Я встретил его ударом ноги, но стопа скользнула по брюху, а я потерял равновесие и завалился. Отморозок накинудся на меня сверху, вцепившись в горло руками и пытаюсь задушить.

В голове загудело. Только бы не потерять сознание! Я схватил его за правую кисть обеими руками и вывернул сустав. Хруст костей и крик возвестили, что приёмчик удался. Я с трудом оттолкнул вопящее тело от себя и вскочил на ноги. Широкомордый, прижав свернутую кисть к груди, блажил и пытался встать на ноги, но адская боль не давала ему этого сделать. Я потушил его потуги ударом ноги в висок. Хрясь! И его туша расстелилась на земле без сознания.

Резкая боль обожгла бок, а в глазах потемнело. Я сразу ничего не понял. Зашатался и сполз на землю. По коже под рубахой струилось что-то теплое. Я поднял глаза, надо мной навис второй гопник с окровавленным ножом. Он лыбился и явно намеревался пырнуть меня второй раз.

– Ну что, сучонок? Готов сдохнуть? – прошипел он в ядовитом оскале.

На хрена такое спрашивать? Чтобы упиваться своей властью над жертвой? Я истекал кровью и не мог встать, но мои руки лихорадочно шарили по земле в поисках камня.

Рябой опустился на колено, вдавив ногой мою грудину в легкие. Еще немного, и хрустнут ребра. Он приставил нож к горлу:

– Спокойной ночи, фраерок!

Хрясь! – обломок кирпича впечатался ему в висок. Моя ослабленная рука не смогла проломить кость, но и этого хватило, чтобы вырубить Рябого. Он упал прямо на меня. Уже плохо соображая, я словно сквозь сон слышал, как завопила какая-то тетка:

– Убили! Милиция! Убили!

* * *

Просыпаться не хотелось. Тяжелая голова прилипла к подушке намертво. Блин! Видать, опять вчера отравился печенькой. Сколько раз зарекался не мешать беленькую с пивом! И на работу, наверное, уже опоздал. Или сегодня выходной? Ни черта не помню. Не открывая глаз, я пытался сообразить – почему не прозвенел будильник? Судя по громкому щебетанию воробьев и звуку автомобилей за окном уже давно белый день на дворе.

Протяжный звук пионерских горнов резанул по ушам. Вслед зазвенел задорный детский голосок:

– Здравствуйте, ребята! Вы слушаете пионерскую зорьку!

И тут я все вспомнил. Открыл глаза. Все немного в тумане.

– Панов! Выключи радио! Ты не один в палате! – отчитывал кого-то сварливый женский голос.

Я огляделся. Лежу на пружинной кровати под капельницей в просторной комнате с крашенными до уровня плеч стенами и побеленным потолком. Кроме моей кровати, здесь еще пять таких же. На некоторых сидят люди в больничных пижамах и читают газеты. В проходе, уткнув пухлые руки в бока, стоит наливная тетка в белом халате с «гнездом вороны» на голове. На вид ей лет тридцать-сорок. Точнее не могу определить. Такая дородная дама может оказаться как и молодой, так и чуть забальзаковского возраста. Еще эта дурацкая завивка на голове. Напоминает кудрявого льва или Пугачёву. Не пойму, кого больше.

– Очнулся? – она приблизилась ко мне и потрогала лоб, затем повернулась в сторону выхода и крикнула. – Виктор Петрович! Студентик очнулся.

В палату зашёл врач. Седые, давно нестриженные волосы выбивались из-под примятого белого колпака. На грудном вырезе халата проглядывали пиджак, рубашка и галстук. Как ему не жарко летом в тридцати одежках?

Виктор Петрович поправил круглые очки и присел рядом

на табурет. Щупал, слушал и что-то еще делал с моим ослабленным тельцем.

– Ну что, герой? – улыбнулся не по годам белозубой улыбкой врач. – Как себя чувствуешь?

– Как в море, – ответил я. – Но только жрать хочется.

– Шутишь! Это хорошо. Значит, недельки три еще, минимум, протянешь.

– Как недельки три? – встрепенулся я. – А потом что?

– А потом выпишу тебя.

Я с облегчением выдохнул. А старик тоже умел прикалываться.

– Ты сейчас находишься в отделении хирургии городской больницы. Ранение у тебя проникающее, колото-резаное в брюшную полость, неглубокое, и органы не задеты, – продолжал врач. – Операцию я провел, все заштопал. Крови ты потерял чуть лишнего, но организм молодой и здоровый. Заживет всё, как на бездомном псе. Считай, будто мы тебе аппендикс вырезали. Почти то же самое. Прописываю покой, обильное питьё и капельницы с антибиотиками, витаминчики в уколах. Вот все твои потребности в ближайшие несколько недель.

Я попробовал встать.

– Тише, – подскочила ко мне пухлобокая медсестра и попыталась всучить утку. – Сможешь сам или помочь?

– Всё нормально... – процедил я, борясь с болью. – Я до туалета сам дойду. Типа аппендицит же всего лишь выреза-

ли.

Но в этом я немного ошибся, боль не дала мне сделать и шагу. Пришлось воспользоваться услугами тётки со сварливым голосом. Ей, конечно, не привыкать управляться с уткой. А у меня чуть травма детства не приключилась. Все-таки я привык делать такие дела в одиночку и без тесного контакта с другими людьми.

– Лежи, Петров, – приказала медсестра. – Не дёргайся. К тебе скоро из прокуратуры придут. Они просили позвонить, как очнёшься. Так что, сил набирайся... А вместо мамки, я теперь буду за тобой присматривать. Меня Леной зовут.

Лена, виляя дутыми бедрами, вышла из палаты. Надо мной тут же нависла косматая небритая морда, напоминающая Машкова в запое. Такие же худые плечи с висящей на них майкой-алкоголичкой. Я вздрогнул.

Морда приветливо улыбнулась:

– В шахматы будешь играть?

Я помотал головой. Какие на хрен шахматы? Я чуть боты не завернул. Мне нож в бок воткнули. Лежу ловлю отходняки с пенициллиновым вкусом во рту. А этот с шахматами лезет.

– Просто со мной никто играть не хочет, – глаза «Машкова» превратились в грустные маслины, как у кота-подлизы из Шрека.

– Не до шахмат мне, – буркнул я. – Мне даже сесть трудно.

– Это ничего, – оживился больной. – Я буду переставлять

фигуры за тебя. Ты только мне клетки называй, куда их ставить. Меня Лёня зовут, легко запомнить. Так же, как его. – шахматист гордо вытянулся в струнку и показал указательным пальцем вверх.

Я сначала не понял, но потом дошло, что речь идет о целователе всех времён и народов. Говорят, что и война холодная с пиндосами началась только потому, что американские президенты не хотели целоваться с нашим генсеком.

– Ну, что сыграем, а? – назойливый Лёня не отходил от меня.

– Это твой транзистор? – кивнул я на белую крашеную тумбочку, на которой примостилась малогабаритная «Орбита-2» в кожухе из коричневой кожи.

– Ага.

– Включи музыку, тогда сыграю, только сразу предупреждаю – в шахматы не умею. Придется тебе сначала научить меня.

– Музыку нельзя, – вздохнул Лёня. – Ленка что-то сегодня злая, как моя тёща с похмелья. Ругаться будет.

– А ты потихонечку. – я обвел взглядом других больных. – Никто же против музыки не будет? А, мужики?

Кроме нас в палате было еще трое: тихонький дедок и два, ничем ни примечательных мужичка. В ответ они вяло кивнули. Видать, шахматист уже и их успел достать.

– Смотри, – Лёня поставил тумбочку между нашими кроватями и положил на неё шахматную доску. – Пешка ходит

только прямо на одну клетку, но первый ход может на две. Конь буквой «Г» ходит, слон по диагонали. Понял?

– Вроде, – кивнул я.

– Давай попробуем, а там по ходу научишься. Сразу все фигуры всё равно не запомнишь. Ходи первым, говори куда ставить фигуру. Клетки пронумерованы, как в «морском бое». Играл в школе?

Я чуть приподнялся на локте и застыл в более-менее удобном положении:

– Конечно, играл. Поставь мою пешку с Е2 на Е5.

– Так нельзя, – нахмурился учитель.

– А как можно?

– На Е3 или Е4.

– Ну, поставь там куда-нибудь, – кивнул я.

Лёня походил за меня и выбросил навстречу моей пешке свою черную. Я попросил передвинуть моего коня так, чтобы тот сразу проскакал через всё поле и подставил под удар его короля.

– Да нельзя так! – раздраженно проговорил шахматист.

– А как можно? – сострыпал я недоумевающую рожу.

– Ну... Сюда можно, или сюда, или сюда.

– Ну, давай сюда, – будто бы наобум сказал я, соглашаясь с одним из предложенных вариантов.

И так почти каждый свой ход я делал не по правилам. Заставлял Леню показывать мне возможные варианты. Выбирал самый лучший, делая вид, что тыкаю пальцем в небо, и

рубил его пехоту и кавалерию. Потом добрался до флота и загнал короля в угол.

– Ну что сопишь? – с недоуменным видом спросил я гроссмейстера. – Ходи уже, а то устал я.

– Не могу, – сокрушенно пробормотал он, лихорадочно сканируя глазами доску и ища выход из игровой ситуации.

– Это почему? – хитро прищурился я.

– Мне мат...

– Жаль, – поморщился я. – А так хотелось поиграть ещё. Так, что получается? Я выиграл?

– Да! Но как? – всплеснул руками Леня. – Как ты это сделал? Ты же даже не знаешь, как ходят фигуры?

– Новичкам везет, – улыбнулся я (а про себя подумал: «Это ты еще в покер со мной не играл»). – Еще партейку?

– Да ну тебя, – отмахнулся Леня, сгребая фигуру в кучу. – Странный ты какой-то... И мужиков, говорят, покалечил.

Больше Леня меня не доставал. И даже музыку выключил в знак кровной обиды. А я только «Песнярами» заслушиваться начал. Пуща их Беловежская – огонь, конечно. В наше время таких не пишут... И Пущи больше нет, наверное.

– А ну, мужички! – в палату, брякая медицинским столиком на маленьких колесиках, ввалилась медсестра Лена. – Быстро легли все воронками вверх и заголили пятые точки!

На двухъярусном столике с чуть облупившейся белой эмалью сверкали серебристые лотки с многоцветными стеклянными шприцами.

От одного вида их плечи мои передернулись. Не люблю уколы. Лучше пулю в плечо или нож в бок. А уколы с детства не уважаю... Тем более, советские иглы казались огромными, как вязальные спицы.

– Тебе Петров не надо, – снисходительно бросила Ленка. – Ты пока на капельницах. Антибиотиков и витаминов тебе уже сегодня достаточно влили.

Я с облегчением выдохнул и с торжествующим видом посмотрел на кряхтящего Леню. Он вздрогнул и ойкнул, когда игла впилась в его худосочный зад, похожий на облезлый кокос.

– Здравствуйте, – за спиной медсестры раздался приятный, но в то же время, твердый девичий голос. – Мне нужен товарищ Петров.

Я выглянул из-за Ленки. В проходе стояла подтянутая девица в костюме «летчицы». Двубортный синий китель чуть подчеркивал талию и был немного тесен для выпирающей груди. Юбка из такой же ткани опускалась чуть ниже колена. Хотелось бы её чуть укоротить, но прокурорская форма такого не терпит. Это в наше время ляльки с накачанными, как у утконосов губами и раскосыми лисьими глазами перешивают на себя прокурорские мундиры, чтобы задницу ботоксную лучше видно было. А здесь естественная красота. Да еще и в форме. Я засмотрелся...

– Девушка! – всплеснула руками Ленка. – Почему без халата?

– Я из прокуратуры.

– Да хоть из КГБ СССР, правила для всех едины. Возьмите халат у постовой медсестры и приходите.

Через минуту прокурорская вновь появилась в палате в белой бесформенной накидке.

Я поморщился. Люблю девушек в форме, а в простынях они не очень выглядят. Она подошла к моей кровати и села на табурет. Уже определила по возрасту, что я и есть её объект допроса.

– Здравствуйте, гражданин Петров, – начала она официальным тоном. – Меня зовут Федорова Галина Владимировна. Я следователь городской прокуратуры. Буду вести дело по факту причинения вам тяжких телесных повреждений.

– Ого, – я сделал усилие и сел на кровать. – А почему не милиция этим занимается? Обычная уличная драка.

– Вы не всё знаете, – на белом, словно выточенном из мрамора лице девушки (наверное, работает много и не загорает), скользнула еле заметная улыбка.

Она тут же попыталась её спрятать за маской официоза. Такая молодая, а уже следак в прокуратуре. Явно по кумовству прошла. Сама, наверное, ни фига не смыслит в тонкостях расследования. Как статист работает и фиксирует факты, а ее покровители направляют потом по нужному руслу. В мое время так было, и раньше так оказывается. Эх, страны разные, а люди одинаковые...

– Вот, возьмите, – девушка протянула мне газету.

Это был сегодняшней номер местной газеты. От нее пахло типографской краской и целлюлозой.

Поймав мой недоумевающий взгляд, следователь кивнула:

– Там статья про вас, на второй странице в первой полосе.

Я развернул газету. Заголовок кричал: «Комсомолец Андрей Петров задержал и обезвредил валютчиков».

– Ого! – присвистнул я и начал читать.

В ней говорилось о том, как комсомолец Андрей Петров, прогуливаясь по родному городу, наткнулся на подозрительных людей, выходящих из заброшенного дома. Почувствовав неладное, комсомолец отважно бросился преследовать подозрительных личностей. Догнал их в тупиковом проулке и вступил с ними в неравную схватку. В результате стычки отважный комсомолец получил ножевое ранение, а оба преступника доставлены в больницу с черепно-мозговыми травмами. Благодаря смелым и грамотным действиям Петрова бандиты были задержаны. В их карманах обнаружили доллары США. Проводится расследование.

– Так я что? Герой? – я отложил газету.

– Так точно, товарищ Петров, – кивнула девица. – Вы проявили настоящее мужество. Вы столкнулись с валютчиками. В заброшенном доме у них был тайник. Но это всё для газеты и для публики. А мне, пожалуйста, расскажите, как всё было на самом деле...

– Да так и было... – пожал я плечами. – Как все написано.

Подумал, что типы подозрительные, окрикнул их, а они дёру дали.

– Там была свидетельница, – нахмурилась следачка. – Женщина, которая видела, как подозреваемые выходили из полуразрушенного здания, а вы крикнули им вслед слово «полиция». Что это значит, Андрей Григорьевич?

А следачка-то не простая оказалась. С мозгами куколка. А я думал, пустышка. Ошибся на её счет. Надо ухо остро держать, а то припаяют антисоветщину. Полиция у фашистов была, да у буржуинов сейчас. А у нас советская милиция. Самая народная и родная. Нравится мне название...

– Свидетельница ошиблась, – категорично заявил я. – Я крикнул слово «милиция». Они схожи по звучанию.

Следачка скептически постучала ухоженным ноготком, покрытым бесцветным лаком по планшету с прищепкой, под которой виднелся листок бланка протокола допроса.

– Вы же не из милиции? – вопросительно уставилась она на меня. – Зачем вы так крикнули и зачем вы за ними побежали? Это было опасно. Вы знали, что они занимаются валютными операциями?

– Все побежали, и я побежал, – включил я Алёшика. – А что я должен был кричать? Горгаз! Или: Стоять, справочная! Типы подозрительные. Вышли из заброшенного дома и по сторонам зыркают. На окрик «милиция» среагировали неадекватно. Рванули в переулок. Я за ними. Не знал, что там тупик. Сам в ловушку попал. Деваться мне было некуда

и пришлось биться за свою жизнь насмерть. Я же не знал, что у них нож и они не прочь меня пришить. Улицы советских городов обычно безопасны для граждан...

Следачка почесала коготком носик и задумалась. Вроде поверила. Естественно я знал, во всяком случае, предполагал, что они опасны. Видя, как эти гаврики улепётывают, сразу понял, что бандюги. А бежал не комсомолец Петров за ними, а старший оперуполномоченный убойного отдела майор полиции Нагорный Андрей Григорьевич. Но этой пигалице я так не могу сказать. Либо в психушку упекут, либо того хуже... Из комсомола выгонят.

– Галя, что вы так на меня подозрительно смотрите? – улыбнулся я. – Обычное дело, побежал, подрался. Повезло не сдохнуть. Про валюту я не знал. Про то, что они рецидивисты тоже. Иначе ни за что бы на рожон не полез.

– Называйте меня, пожалуйста, Галина Владимировна, хорошо? – девушка нахмурилась. – Вот... Распишитесь здесь и здесь. А здесь напишите: «С моих слов записано верно, мною прочитано».

– Окей, – кивнул я. – Только дайте-ка я сначала протокольчик прочитаю...

Галя поморщилась (то ли так среагировала на мою просьбу, то ли на слово «окей») и протянула мне кожаный планшет.

Такой неудобный и громоздкий. Он же и полупортфель. Неужели нельзя сделать легкие твердые планшеты, чтобы

писать на весу. Пластик вроде уже изобрели давно.

Я пробежал глазами протокол. Вроде всё верно написано. Барышня странноватая, но честная. От себя ничего не приписала. Ей бы волосы распустить, платице покороче и в клуб. Цены бы ей там не было. А тут сидит и смотрит на меня, как Шапокляк на чебурашку. Того и гляди, из её портфеля Лариска выскочит. Я расписался и протянул планшет хозяйке.

– Спасибо, Галя, – я широко улыбнулся. – Надеюсь, ещё увидимся.

– Увидимся тогда, когда я признаю вас потерпевшим по делу официально и когда обвинительное заключение составлено. Там ваши подписи нужны будут. А пока из города в ближайшее два месяца попрошу не уезжать.

– Знаю, – кивнул я. – Поэтому и говорю.

– Откуда вы знаете? – опять с подозрением уставилась на меня молодая «Шапокляк». – Вы раньше проходили по другим делам? Я запросы на вас ещё не делала.

– Не проходил, в кино видел, про милицию, – улыбнулся я, а про себя подумал: «Как же всё у вас долго, нет компов и сетей с базами, всё через бумажку с печатью и ответку несколько недель ждать».

– До свидания, Андрей Григорьевич, – сухо бросила следачка и зашагала к двери.

– До свидания, Галя, – мой взгляд невольно зацепился за перекаты упругих ягодиц, утянутых синей тканью унифор-

мы.

После пригожей гостыи мордатая Лена, что опять заперлась в палату, казалась разбухшей белой каракатицей. Ни разу не видел каракатиц, но наверное, выглядят они именно, как сварливая медсестра.

– Там к тебе мать пришла, Петров, и девица какая-то, – сообщила Лена.

Глава 7

Только я собрался выразить свой щенячий восторг по поводу визитёров (девица, что пришла ко мне – это, наверное, Косичкина), как медсестра обрезала:

– Посетителей мы не пустили, посещения тебе пока противопоказаны.

– Ты что, Лен? – я резко встал с кровати (хотелось показать, что я живее всех живых) но скрючился от боли и плюхнулся обратно. – Прокурорскую же пустили.

– Это другое, у неё служба, а мамка подождет. И девка твоя подождёт.

– Нет у меня девки, – хитро улыбнулся я. – Пойдёшь за меня, когда на ноги встану? Остальное у меня всё работает. Хоть щас в бой...

– Да иди ты! – засмеялась и замахала дутыми ручонками медсестра. – Жених нашелся. Стручок еще не оперился, а все туда же.

– А ты что, проверяла? – подмигнул я. – Пока я без сознания был? Да?

– Ох, Петров, дождёшься ты у меня! Уговорю доктора уколов тебе прописать. С самым огромным шприцем к тебе приду.

– Да, ладно, – миролюбиво проговорил я. – Шучу я, Ленюк. Не буду на тебе жениться. Ты слишком хороша для ме-

ня. Королева прям... В белом вся. Белая королева.

– Спасибо, хоть не снежная.

* * *

Потянулись однообразные дни... Без телека, и ноута болеть реально плохо. День сурка, я бы даже сказал, день спящего сурка. Хотя, телевизор в больнице имелся. В холле коридора на тумбочке расположился черно-белый «Рекорд» с бухающей при каждом повороте круглой переключалкой каналов.

Советские МИГи и танки самые лучшие в мире, а пульта для телевизоров до сих пор не научились делать. Но смотреть по такому ящику было нечего. Каналов всего два: первый и второй. Иногда на обоих одновременно вещал бровастый вождь о достижениях советского народа в области сельского и другого важного для экономики дружественных стран, хозяйства. После Леонида Ильича непременно показывали балет из Большого театра или выступление симфонического оркестра. Вечером на экране мелькали вести с полей и репортажи про героев сталеваров и других шахтеров.

Выходил я к телеку нечасто. Репортажи о лучшей на свете стране звучали как-то немного фальшиво. Я знал эту страну изнутри, а не из выпуклого экрана. Не всё так радужно, как вещают дикторы. Но, с другой стороны, не всё так плохо.

У нас нет бедных, но мы с матерью живём от зарплаты до

зарплаты. И многие так, но никто не жалуется. Не принято жаловаться. Потому что скоро настанет то самое будущее. Мы построим его упорным трудом под руководством КПСС. Эх... Какие мы были наивные.

Соседи по палате попались мне неразговорчивые. Шахматист больше со мной не играл, а пытался найти соперников из соседних палат. Лена заходила теперь не так часто. Только с капельницей и уколами. Кризис для моего здоровья прошёл, и необходимость меня ежечасно проверять отпала. Как-то даже скучно без нее стало. Хорошая девка, но ворчит много. По должности ей положено...

Мать и Катю пропустили ко мне только через два дня. Обе повсхлипывали и попричитали, намочив пижаму на моей груди теплыми каплями. Повздыхали и посетовали на то, какой я безрассудный, что ввязался в драку со взрослыми мужиками, да еще и с настоящими преступниками.

Знали бы они, что это еще не совсем настоящие. Продавали баксы за рубли, что такого? И то, скорее всего, это были не сами барыги, а их подручные. Курьеры, что выполняли грязную работу. Валютчики в эти времена занимали вершину пищевой цепочки среди спекулянтов. По внешнему виду и одежде их легко было спутать с высшей чиновничьей прослойкой. И хоть за их делишки была предусмотрена даже смертная казнь, жилка предпринимателя и жадность брали своё, и они продолжали совершать преступления. Хотя, какие это преступления? Скажем так: нарушение советского

законодательства. Не более. Здесь все операции с валютой разрешены только соответствующим госструктурам. Но на гопников я зуб точил не за валюту. Они меня пришить пытались, и это – реальная статья.

Сейчас, как следствие повернёт: либо покушение на убийство, либо умышленное причинение тяжкого вреда здоровью группой лиц. Не успел сюда попасть, как меня чуть не убили. Надо будет поаккуратнее здесь. В том времени меня убил друг, а в этом я пожить хочу. Тем более, молодой еще, нецелованный.

В том, что я умер в своем мире, я больше не сомневался. Мое сознание плотно обосновалось в теле комсомольца и уже научилось использовать его память. Теперь меня из его тела метлой поганой не выгонишь. Жалко, конечно, комсомольца, но судя по всему, он погиб, когда упал с лестницы. А моя энергия каким-то образом оживила тело. Когда я очнулся на лестничном пролёте в школе, было такое ощущение, что затылок проломлен. Но боли не было. Я лишь чувствовал тепло, и непонятное покалывание в затылке. Будто кости срастались. Каким-то фигом переселение моего сознание воскресило тело с проломленной головой. Так что я не виноват в гибели Андрея Петрова. Его, по сути, убил по неосторожности Быков.

Спасибо, конечно, ему. Не хотелось бы мне в аду сейчас париться. В рай меня точно бы не взяли. Из семи смертных грехов я совершил девять. Всяко фейс-контроль бы не про-

шел в богоугодное заведение. Тем более, за всю жизнь не молился ни разу. С богом у нас как-то сразу не заладилось. Он в мою жизнь не лезет, я ему не мешаю...

Однажды утром в нашей палате нарисовался заведующий хирургическим отделением. Его выпученные, как у Голума глаза суетливо бегали по сторонам. Он подошёл к моей кровати, шумно выдохнул и ослабил галстук на взмокшей шее.

Неприятный тип. На врачей любил покрикивать и с пациентами через губу разговаривал. К больным относился с профессиональной прохладцей и цинизмом. Поговаривали, что подарки очень любил. В основном в виде купюр. Иногда за некоторые особые услуги родственники пациентов приносили эти подарки ему в конвертах.

– Петров, – наконец выдохнул он. – Зайдите, пожалуйста, в ординаторскую. Вас там ждут...

– Кто ждет? А сюда они не могут прийти? – спросил я.

От моей наглости главврач заёрзал на месте.

– Это второй секретарь горкома, товарищ Зинченко Сергей Сергеевич. И к тому же, он не один. Пройдите в ординаторскую, срочно!

Зинченко? В голове крутилась эта знакомая фамилия. А-а-а... Вспомнил. Это шишка из горкома. Отец одного из одноклассников, что из шайки Быкова. Это с его подачи участковый Осинкин приходил и пытался мне на мозг капать. Интересно, а этот чего приперся? Не к добру.

Судя по всему, Зинченко – шишка видная. Второй секре-

тарь, это получается второй человек в городе по партийной линии.

Я встал с кровати, отложив журнал «Крокодил», который еще утром стрельнул у соседа. Весёленький журналчик. Карикатуры в нем, как живые. Особенно капиталисты круто нарисованы. Пузатые человечки с хищными мордами людоедов и непременно во фраках, цилиндрах и с золотыми цепями на шеях. Когда у нас капиталисты появятся, цепи у них будут, а вот фраков не предвидится.

Мы шагали с главврачом по просторному, пахнущему хлоркой и йодом коридору. Он бубнил, давая мне наставления по поводу встречи с важными гостями:

– Вы, Петров, пожалуйста, с Сергей Сергеичем соблюдайте субординацию.

– Хорошо, – кивнул я. – Не дурнее паровоза.

– Вот видите, Петров, – забрюзжал врач. – Даже сейчас вы разговариваете с человеком, который старше вас в два раза, как с ровней.

«Эх, дядя, знал бы ты, сколько мне на самом деле лет» – подумал я, но вслух ничего не сказал. Хватит портить с ним отношения. А так хочется...

– За вами не раз была замечена такая особенность, – продолжал воспитывать белохалатный. – Вы со старшими на ты и позволяете себе вульгарные высказывания. Товарищ Зинченко человек очень важный. Даже председатель горисполкома его слушает (это по-нашему мэр города, наверное). А

мне здесь еще работать и работать. У меня семья. Дети...

– Не беспокойтесь, док, – улыбнулся я. – Все норм будет.

Врач дёрнулся и схватился за грудь. Раскрыл рот, чтобы выплеснуть в мой адрес тираду нравоучений, но не успел. Мы уже пришли. Створки двери ординаторской обе распахнуты. Внутри жужжание и гудение, будто собралась толпа народа.

Я шагнул внутрь первым и застыл. Там действительно оказалась толпа. Несколько журналистов с «Зенитами» наперевес и с громоздкими вспышками. Какие-то люди в строгих костюмах. Пара девушек с цветами.

– Товарищ Петров, – вперёд выступил небольшого роста пузатый дядька в дорогом, советского кроя костюме в полоску и черном галстуке с золотой прищепкой. На его круглом лице сияла фальшивая улыбка. Он мне напоминал фашиста. Такие же подстреленные усишки а-ля Гитлер.

Я узнал Зинченко. Его фото нередко печатали в местной газете «Городские вести». Я чуть приосанился, чтобы не быть похожим на выходца из концлагеря (несуразная больничная пижама напоминала робу узника).

– Андрей Григорьевич, – торжественно объявил Зинченко. – Я прибыл по поручению партийного руководства, – чтобы вручить вам заслуженную награду.

– Награду? – я опешил.

– От имени Президиума Верховного Совета СССР за проявленное мужество и самоотверженность, проявленные при

поимке преступников-рецидивистов, разрешите вас наградить медалью «За отличную службу по охране общественного порядка».

Огни фотовспышек осветили ординаторскую так, что даже фикус на окне засверкал. Чиновник широким жестом протянул мне руку, картинно повернувшись вполоборота к корреспондентам. Он застыл с улыбкой на лоснящемся лице, потрясая рукопожатием со мной.

После небольшой паузы (дождался, пока камеры успеют запечатлеть его) раскрыл маленькую коробочку, отделанную красным шершавым бархатом, и извлек оттуда серую медальку со стандартной пятиугольной колодкой, обтянутой красной муаровой лентой.

Ленточка с тремя синими продольными полосками. Я сразу узнал эту медаль. В той жизни у меня была точно такая. Многие медали, учрежденные еще в советскую бытность, оставались в ходу. Такую медаль давали за подвиги и заслуги, проявленные в охране общественного порядка и борьбе с преступностью не только сотрудникам милиции, но и членам добровольных народных дружин и другим гражданам за активное участие и проявленную при этом храбрость.

Стычка с валютчиками начинала приносить свои плоды. В голове у меня сразу созрел «корыстный» план.

Сергей Сергеевич торжественно и не спеша прицепил мне на пиджаму медаль, не забывая при этом широко улыбаться в пыхающие фотокамеры. После он наклонился ко мне и с

улыбкой на лице тихо проговорил, его голос слышал только я:

– Не обольщайся, Петров. Мне известно о твоих хулиганских выходках. Про драку в школе я не забыл. Говорят, ты в милицию хочешь пойти работать. Эта медаль тебе не поможет. Так, вот. Я сделаю всё, чтобы тебя не взяли в органы. Такие, как ты, не достойны чести сотрудника советской милиции.

– Спасибо, Сергей Сергеевич! – громко воскликнул я, широко улыбаясь.

Я схватил его руку и тряс с таким восторгом, будто это была рука генсека.

– Я очень благодарен за ваши тёплые слова!

К нам подскочили корреспондентки. Кто-то всучил мне охапку цветов. Напомаженные и накрученные на бигуди девушки тыкали в нас пластмассовыми микрофонами, шнуры от которых тянулись к висящим на их шеях портативным магнитофонам:

– Скажите, товарищ Петров, что вы чувствовали, когда бесстрашно, в одиночку бросились задерживать опасных преступников? Какие мотивы побудили вас сделать это?

Я церемонно обвел взглядом присутствующих и торжественно произнес:

– Спасибо, товарищи! Как комсомолец и будущий коммунист я твёрдо для себя решил, что хочу поступить на службу в ряды советской милиции. Это мечта моего детства. Я

уверен, что смогу принести пользу своей стране в почётном деле борьбы с преступностью. Советский народ должен чувствовать себя защищенным. И пользуясь случаем, я хотел бы попросить высокопоставленного гостя – товарища Зинченко Сергея Сергеевича, дать мне соответствующие рекомендации от имени горкома партии на поступление в среднюю школу милиции в нашем городе. Я понимаю, что вначале нужно отслужить в армии и проявить себя на боевом посту, заручившись характеристиками командиров. Я готов к этому. Но так моя мечта оттянется еще на два года. Я прошу Сергея Сергеевича посодействовать о принятии меня в школу милиции на общих основаниях, но без прохождения воинской службы. Это будет для меня лучшей наградой. Спасибо...

Когда я закончил воцарилась секундная пауза, а затем раздались аплодисменты. Хлопала свита Зинченко, представители больницы (и даже заводделением), корреспонденты и прочие господа присяжные-заседатели.

Зинченко насупился. На его виске запульсировала жилка. После моих слов его атаковали журналисты, наперебой засыпали вопросами.

– Что скажете, Сергей Сергеевич? Считаете ли вы достойным Андрея Петрова стать на стражу правопорядка? Вы можете сделать исключение из правил?

Второй секретарь горкома достал клетчатый платок и медленно полировал взмокшую лысину. Казалось, что у него на-

мокли даже усы.

– Этот вопрос находится в ведении министерства внутренних дел. Мы можем лишь давать рекомендации, – уклончиво ответил Зинченко.

– Скажите, Сергей Сергеевич, – к чиновнику подскочила бойкая девица с фотоаппаратом. – А может ли общественность как-то повлиять на решение этого вопроса? Если мы напишем про это в газете.

– Я пока ничего не могу сказать, – Зинченко скомкал платок и сунул в карман пиджака, его лицо становилось все краснее. – Мы обсудим этот вопрос на городской партийной конференции. Она состоится завтра.

– Но как же? – вцепились журналисты (вот за что я люблю прессу, что хватка у них, как у крокодила, ну или у матёрого опера, зацепят и не отпустят, пока на дно не утянут). – Вы думаете, кто-то будет против? Неужели Петров не достоин звания сотрудника советской милиции?

Зинченко пыхтел, надувая щеки. Его твёрдая и выверенная речь превратилась в лепет с ужимками.

Я знал, что для меня никто поблажек делать не будет. Школа милиции – госструктура и процедура поступления туда закреплена законом. Но так хотелось посмотреть, как выкрутится уважаемый гость из каверзной ситуации.

Как говорил один мошенник: «Лёд тронулся, господа присяжные заседатели». Под натиском прессы Зинченко пришлось пообещать журналистам и тысячам советских читате-

лей газет и радиослушателям, что по факту поступления в школу милиции комсомольца Петрова Андрея Григорьевича будет решаться вопрос на самом высоком уровне.

Интересно, это на каком? Не в Москве – это точно, значит здесь. В местном горкоме. Конечно, Зинченко постарается спустить всё на тормозах, но мы еще пободаемся. Я ничего не теряю, кроме того, что могу загреметь в армию.

В конце нашей «тёплой» встречи под аплодисменты присутствующих мы ещё раз пожали друг другу руки. Зинченко попытался стиснуть мою кисть сильнее обычного. Но я тоже даванул в ответ неслабо. Насколько позволяла моя нынешняя физическая оболочка. Мы оба поморщились друг на друга фальшью прощальных улыбок и разошлись, как айсберг с Титаником в фильме с альтернативной концовкой.

Зинченко нацепил шляпу и скрылся со своей свитой в недрах коридора. Я побрел в палату, а главврач еще долго рассказывал под магнитофонную запись журналистам, как продуктивно и быстро проходит лечение молодого комсомольца в лучшей больнице города. Какие замечательные здесь работают врачи и младший медперсонал.

О больнице ничего плохого не скажу. Просто заведованием мне не по душе... И кормёжка местная.

* * *

– Я завтра уезжаю, – со вздохом проговорила Катя.

Мы сидели на больничной лавочке в тени раскидистого вяза. Она пришла меня навестить. Полуденное солнце спряталось за облако, будто грусть девушки передалось и ему.

– Удачи тебе в поступлении, – сказал я.

– Но ведь, если я поступлю, я останусь в Москве, – Катя пытливо смотрела мне в глаза, пытаясь уловить в них сожаление.

Но я ни о чем не сожалел. Фактически я знал её всего несколько дней. Девчонка вроде хорошая, но жениться я не собираюсь, а для потрахушек она не подходит. Не в той эпохе выросла. Не буду девке голову морочить. Пусть идёт своей дорогой, а у меня свой путь – одинокого волка. Непреклонного и беспощадного. Как из «Ну погоди». Не хочется сразу навешивать на себя обязательства, а потом разрываться между семьей и карьерой. Как говорится: «Первым делом самолеты, ну а девушки за борт».

– Я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо, – улыбнулся я. – В нашем Мухосранске таких ВУЗов нет. Тебе надо ехать.

– Где? – не поняла девушка.

– В Новоульяновске. Москва, есть Москва. Если поступишь – через несколько лет мне еще спасибо скажешь, что я тебя отговаривать не стал.

– А как же поцелуй? – голос Косичкиной дрогнул. Её глазенки заблестели влагой.

– Какой поцелуй?

– Ты не помнишь? На кухне у тебя...

– А что поцелуй? – пожал я плечами. – У тебя таких поцелуев еще будет знаешь сколько. И не только поцелуев.

– Дурак! – Катя вскочила со скамейки. – Ну и оставайся в своем Мухосранске.

Девушка развернулась и решительно зашагала прочь. Я не стал её останавливать и окрикивать. Опухоль удаляется не кусочками, а одним движением. Иначе всё зря. Уверен, что всё у неё получится, и она станет отличным хирургом. Учить на врачей у нас умели... Пока. А такие целеустремлённые и усидчивые, как она, составят в будущем цвет советской медицины. Которая конечно потом погибнет, разбившись о безденежье, о платные клиники и эмиграцию врачей. А пока у неё все впереди...

– Петров, – из-за куста показалась габаритная Лена. – Тебе что, на обед особое приглашение нужно? Ноги в руки – и бегом в столовую. Ты время видел?

– Не люблю я часы Лена, спасибо что напомнила, – я встал и хотел уже направиться в сторону корпуса.

– погоди, – Лена вытащила из кармана халата конверт. – Пляши, письмо тебе!

– Письмо? – я остановился, а мои брови попытались залезть на лоб.

– Пляши говорю, а то не отдам.

– Плясать не умею, а давай я тебя лучше поцелую.

Я подскочил к медсестре. Моя рана уже почти не болела, и я мог себе позволить скакнуть пару метров козликом вел-

копоповицким (блин, что-то пива захотелось...).

Я чмокнул в дутую розовую щеку Ленку, схватив ее одной рукой за маститую талию (вернее то место, где она должна была быть), а другой ловко выхватил у неё конверт.

На лицевой стороне конверта, оклеенного маркой с улыбающимся Гагариным, в графе «Откуда» стоял прямоугольный штамп красного цвета. Тест которого гласил: «Новоульяновская средняя школа милиции МВД СССР».

Глава 8

Я разорвал конверт и извлёк серый лист бумаги с машинописным текстом. В левом верхнем углу красовался угловой штамп с гербом СССР и регистрационными исходящими данными, вписанными от руки.

В письме, напечатанном от имени начальника школы милиции полковника Рокотова П. С., говорилось о том, что, учитывая мои недавние заслуги в обеспечении правопорядка и твердую гражданскую позицию, связанную с намерением служить трудовому народу, методический совет Новоульяновской СШМ совместно с горкомом КПСС приняли решение о предоставлении мне права поступления в ведомственное учебное заведение без прохождения службы в ВС СССР. Но, учитывая состояние моего здоровья, длительность периода реабилитации, и упущенные сроки подготовки личного дела (на меня, как на кандидата на поступление) со всеми необходимыми проверками и запросами мне рекомендуют поступать в Новоульяновскую среднюю школу милиции на следующий год. Либо в любое другое ведомственное учреждение системы высшего профессионального образования, где служба в армии не требуется.

Я поскреб макушку. Сложил письмо и засунул в карман. Ну что ж... Кто говорил, что будет легко?

Профессия милиционера здесь не слишком престижна.

Работа опасная и не из легких, денег не особо много. Тракторист в колхозе больше зарабатывает. Но милицию уважают. Считают ее народной. Я застал немного антураж этой эпохи, когда пришел в органы на заре девяностых. А потом начался бардак и упадок. Рухнул СССР и не только. Пострадало не только МВД. Многое в нашей жизни обесценилось.

Но всё, что ни делается – всё к лучшему. Возможно, у меня есть шанс изменить не только свою жизнь, а нечто большее. Хотя, считается, что систему изменить нельзя. А сломать? Но пока рано об этом думать, я ещё даже в милиции не работаю, а уже собрался её реформировать.

* * *

В больницу мне стали приходиться коллективные письма от пионерских школьных дружин. Ребята желали мне скорейшего выздоровления и присылали свои рисунки. На них смелый комсомолец волочит по земле по направлению к зданию с надписью «МИЛИЦИЯ» двух злодеев с рожами бармалеев. Приятно, конечно, но слава вещь такая своеобразная. Как палка о «трех» концах. Не знаешь, потом откуда и что прилетит.

Сегодня ты на вершине, а завтра падать высоко будет. Неважно, какие у тебя заслуги и сколько пятей во лбу отрастил. Как только становишься ненужным системе, тебя быстро заменяют другим винтиком. Более ладным и складным.

Я пока оказался нужным. В нужном месте и в нужное время молодой строитель коммунизма проявил отвагу и предотвратил незаконные вливания в советскую экономику буржуазной валюты. Это яркий пример превосходства советского человека перед меркантильным буржуазным населением загнивающего и неблагополучного Запада.

Выписали меня из больницы чуть ли не с оркестром. Как говорится, провожали и порвали два баяна. Медперсонал вздохнул с облегчением (кроме Ленки, та чуток взгрустнула даже), особенно радовался заведованием. Непросто ему с таким пациентом было. Сам виноват. Не люблю я таких скользких людей. Нехорошо это – леваком при такой должности промышлять. Меня от этого немного коробит. Ничего не поделаешь – издержки бывшей профессии.

Медаль мою мать повесила на стену в зале на самое видное место. Прицепила на подушечку для игл, а сами иглы убрала в коробочку. Показывала награду нашим редким гостям и с гордостью рассказывала историю, прочитанную ею в газете.

Из гостей у нас бывали лишь две её подруги, что работали в той же сберкассе, да соседка тетя Клава. Старая, но ещё крепкая женщина с прищуром на один глаз. Говорят, она во время войны снайпером была. Не любила про это рассказывать. Потому, что крестик на шее носила. По вере нельзя ей людей убивать. Фашисты, конечно, не люди, но для боговерующих, каждая тварь в человеческом обличье – человек.

Со школой милиции я пролетел, но надежды не терял. Дождусь следующего года, а там видно будет. Может, на вышку замахнусь. Просто не хочется терять несколько лет и учиться в высшей школе. Средка в самый раз была бы. Учить меня – только портить. А вышку ради диплома потом заочно добить можно.

Прошёл месяц после моей выписки из больницы. Мать так и вкалывала на двух работах, чтобы прокормить такого бездельника, как я. А жрал я за двоих. Потому что совсем пошёл на поправку, и «растущий» организм запустился на полную катушку. Я даже пытался делать лайтовую зарядку по утрам.

Если поступить не получилось, то задача номер р-раз на ближайшую жизнь – это устроиться на работу. Без образования (вернее, без диплома) особо не разбежишься: работягой на завод или на стройку.

Я всё у соседки тети Клавы разузнал. Её рабочий стаж на фабрике перевалил далеко за сорок, и в этом вопросе она разбиралась, как никто другой.

В это спокойное и вялотекущее время подростков брали учениками везде: на любую рабочую специальность (при наличии мест и потребности). Полдня помогаешь мастеру-наставнику (принеси подай, пошёл, не мешай...), полдня посещаешь школу, которая тут же на заводе функционирует. Как правило, полгода – и разряд. Экзамены на разряд принимает комиссия из наиболее опытных рабочих. Если знания и навык фактически имеются, только корочек нет – порядок тот

же, но экзамен примут раньше. Для одного комиссию собирать не будут, она раз в месяц проводится, а то и реже. Даже когда после ПТУ парень (или девушка) приходит со вторым-третьим разрядом, всегда начинает свой трудовой путь только под руководством наставника. И он несёт солидарную ответственность за качество работы и безопасность подопечного. Именно тогда родилась шуточная фраза «забуди всё, чему тебя учили». Зачастую специфические знания конкретного технологического цикла, которые передавал наставник, превышали в объеме академическую начитку многократно.

Но чтобы устроиться на завод, нужно пройти медкомиссию. После ранения – это проблема. Временная, конечно, но проблема. Пока не закончится период реабилитации, никто со мной даже разговаривать не будет. Можно, конечно, попробовать договориться с врачами, но на это нужны вливания. Придется немного подождать.

Спустя еще неделю, я стал приобщаться к самому распространённому советскому спортивному снаряду – к перекладине. Турники здесь в каждом дворе были. А где не было, пацаны сами их мастерили, прикрепляя лом между близко растущих тополей. Чувствовал я себя совсем здоровым. Но почему-то негодным пока для медкомиссии. Хотя, зажившая рана отдавала иногда фантомными болями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.